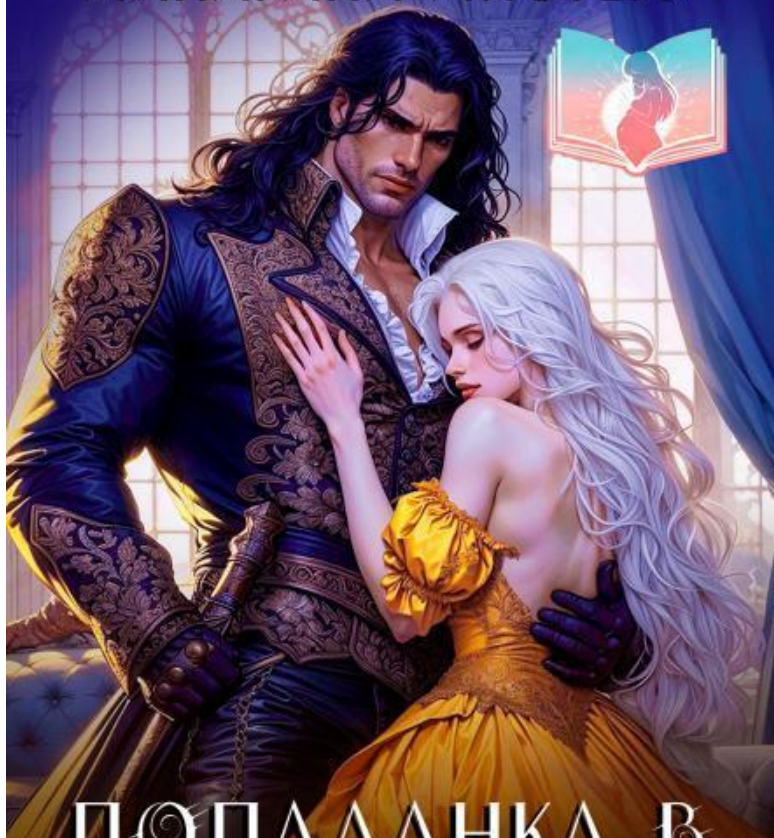

МАЙРАНА МИСТЕРУ

ПОПАДАНКА В БЕРЕМЕННУЮ

ЛИШНЯЯ ЖЕНА ДРАКОНА

Майарана Мистеру

Попаданка в беременную.

Лишняя жена дракона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74345924

Аннотация

СКИДКА 10% по промокоду НОВИНКА26

Я умерла от сердечного приступа, когда бывший муж погубил моего малыша в аварии. А очнулась в теле беременной жены могущественного дракона, который ненавидит свою жену, а ночи коротает с ее сестрой-двойняшкой. Он обещает отнять ребенка, как только тот родится, даже не подозревая, что мать, однажды убитая горем, больше никому не позволит подойти к своему малышу даже на пушечный выстрел. Литмоб попаданка в беременную

Содержание

1	5
2	9
3	14
4	18
5	21
6	24
7	28
8	31
9	36
10	39
11	42
12	45
13-15	48
16-19	54
20	67
21-22	73
23-24	83
25-26	99
27	109
28	113
29	116
30	120
31	124

32	127
33	129
34	134
35	136
36	140
37	145
38	151
39	154
Конец ознакомительного фрагмента.	155

1

Тяжесть. Это первое, что я почувствовала. Непробиваемая, свинцовая тяжесть во всем теле, будто меня накачали снотворным и бросили на дно колодца. Голова гудела низким, монотонным гулом, мешая собрать мысли в кучу. Я попыталась пошевелиться, но конечности не слушались, отзываясь лишь ватной слабостью.

Я не сразу открыла глаза. Сначала я прислушалась. Тишину нарушало чье-то ровное дыхание и тихий шорох ткани. Пахло сушеными травами – ромашкой, мятой и чем-то еще, горьковатым и незнакомым. Запах был настолько сильным, что вызывал приступ легкой тошноты.

Я медленно разлепила веки.

Потолок был высоким, с грубыми темными балками. Не моя квартира. Определенно не больничная палата. Я лежала в огромной кровати под колючим шерстяным одеялом. Слева от кровати, в кресле, сидел пожилой мужчина с седой бородой и внимательно изучал мое запястье, зажатое между его сухих, теплых пальцев. Его одежда была странной – простая туника из грубого полотна.

Страх подкатил к горлу липким комом. Это сон. Глупый, реалистичный сон. Так бывает.

Я скосила глаза вправо, и сердце пропустило удар.

У окна стоял мужчина. Огромный. Не просто высокий, а

какой-то несоразмерно большой и широкий в плечах, глыба, перекрывающая собой тусклый свет.

Он стоял спиной ко мне, заложив руки за спину, и смотрел на унылый серый пейзаж за стеклом. От него исходила аура холодной, подавляющей силы.

Старик, державший мою руку, наконец отпустил ее. Он поднялся и с поклоном обратился к мужчине у окна.

– Пульс выровнялся, милорд. Дыхание стабильное. Худшее позади.

Мужчина медленно обернулся. И если до этого мне было просто страшно, то теперь стало по-настоящему жутко. Красивое, но жестокое лицо с резкими чертами. Высокие скулы, прямой нос, упрямый подбородок. А глаза... Темные, почти черные, они смотрели на меня без капли тепла или сочувствия.

– Она очнулась, – констатировал он низким, с легкой хрипотцой голосом.

– Да, лорд Арден. Сознание возвращается, – подтвердил старик-лекарь. Он снова повернулся ко мне, и его взгляд потеплел. – Как вы себя чувствуете, миледи?

Миледи? Лорд Арден? Я точно сплю. Мозг цеплялся за эту мысль, как утопающий за соломинку. Я попыталась что-то сказать, но из горла вырвался лишь слабый сип. Я откашлялась, и голос, который прозвучал в тишине комнаты, был не моим. Чужой.

Паника начала затапливать сознание. Я подняла руки,

чтобы посмотреть на них. И замерла. Длинные тонкие пальцы, аристократически бледная кожа, ухоженные ногти. Это были не мои руки. Не руки Марии, которая вечно возилась с щелочью и маслами.

Старик, заметив мой испуганный взгляд, ободряюще улыбнулся.

– Не волнуйтесь, леди Кристен. Это последствия жара. Скоро все придет в норму.

Кристен. Он назвал меня Кристен.

Я не понимала, о чем он говорит. Да и сложно вообще было что-то понять.

Лекарь снова повернулся к лорду. Он прокашлялся, набрался смелости и произнес фразу, которая расколола мой мир на до и после.

– Осмотр подтвердил мои догадки, милорд. Никаких сомнений. Поздравляю вас. Ваша жена беременна.

Комната качнулась. Два слова прошли меня насквозь.

Жена. Беременна.

Я? Чья-то жена? Жена этого незнакомого мужчины у окна? И я... беременна? Как? Этого не может быть. Это абсурд. Бред!

Лорд не шелохнулся. Его челюсть напряглась так, что на щеке проступил желвак. Взгляд, которым он впился в меня, не содержал ни капли радости. Только холод и... что-то похожее на брезгливость.

– Вы... Вы кто такие? – надеюсь, мое лицо передает весь

мой ужас.

Мужчина перевел взгляд на лекаря и вскинул бровь, а тот хмуро посмотрел на меня, подошел ближе и положил ладонь на мой лоб. Неожиданно прикосновение расслабило, и я прикрыла глаза.

– Кажется, у леди временно потеряна память. Что весьма странно, учитывая, что она просто потеряла сознание из-за духоты.

Я внимательно слушала его и даже не пыталась перебить. Моя память не была потеряна, я все еще прекрасно помнила, кто я такая, но любая информация будет не лишней.

– Что значит потеряна? – холодно спросил мужчина и впери́л в меня убийственный взгляд, будто я сама сидела и вычищала все свои воспоминания из головы.

Резко стало холодно, я вцепилась слабыми пальцами в одеяло и натянула его до самого подбородка.

– Леди, что вы помните из последних событий, – мягко поинтересовался второй мужчина, но я качнула головой на его вопрос. – Может быть, из детства?

– Ничего. Я ничего не помню. И не знаю, кто вы такие.

Мужчины переглянулись, и взгляд одного из них был убийственным.

– Сделай с этим, что-нибудь.

– Думаю, что нам не о чем волноваться, милорд. Явных повреждений у госпожи нет, а значит потеря памяти вызвана эмоциональным потрясением или... В общем, это пройдет. Я выдам рецепт на настойку, – он потянулся к чемоданчику, выудил оттуда листок и ручку, а затем принялся что-то писать. – Пусть принимает дважды в день. Это важно. Простимулируем память и она восстановится.

Лекарь, довольный собой, собрал свою сумку и поклонившись тихо вышел. Тяжелая дверь закрылась, отрезая меня от единственного доброжелательного человека в этом странном, удушающем пространстве. Я осталась наедине с ним. С мужчиной, которого назвали моим мужем.

Тишина давила на барабанные перепонки. Он не двигался, просто стоял и смотрел. Его взгляд был тяжелым, как могильная плита. В нем не было любопытства или злости. Только холодное, отстраненное презрение, которое ощущалось почти физически, как ледяной сквозняк.

В груди тупо, привычно ныло. Этот фантомный спазм не принадлежал этому телу. Он был мой, родной. Последнее, что я помнила из своей жизни. Казенный голос в телефонной трубке. Слова «авария» и «несовместимые с жизнью травмы». Боль, которая была не просто душевной, а настоящей, разрывающей сердце на куски. Буквально.

Я пыталась зацепиться за реальность этой комнаты – за грубые балки на потолке, за колючее одеяло, за запах трав. Но сознание плыло, и перед глазами вставала другая картина: залитый солнцем двор, смех моего шестилетнего Алешки и фигура бывшего мужа, который уводил его к машине.

Дверь снова тихо скрипнула, и в комнату почти бесшумно вошла девушка. Я моргнула, пытаюсь сфокусировать взгляд. Она была как луч света в этом сумрачном склепе. Копна блестящих светлых волос, огромные голубые глаза, в которых плескалось искреннее, неподдельное беспокойство.

– Дамиан? Что сказал доктор? – спросила она, ее мелодичный голос был полон тревоги.

– Сказал она временно потеряла память и беременна, – ровно ответил Дамиан, не сводя с меня своего ледяного взгляда.

Лицо девушки на миг застыло от удивления, а затем озарилось такой чистой, светлой улыбкой, что в комнате будто стало теплее. Она всплеснула руками, ее глаза восторженно заблестели.

– Боги, какое счастье! – выдохнула она и подлетела к моей кровати. Она осторожно присела на край и взяла мою руку в свои. Ее пальцы были теплыми и нежными. – Кристен! Сестренка, ты слышала? Ты станешь мамой!

Мамой.

Это слово ударило под дых, вышибая остатки воздуха. Оно прозвучало как издевательство. Как жестокая насмешка

вселенной. Я была мамой. Всего несколько часов, или дней, или вечность назад. У меня был сын. Мой Алешка. Мое солнце. Я судорожно сжала край одеяла, впиваясь в него ногтями, чтобы не закричать.

— Я... я не понимаю, — прохрипела я, и это была святая правда. Мой разум отказывался принимать этот жестокий фарс.

— Конечно, ты слаба, — тут же закивала она, ее лицо выражало глубокое сочувствие. — Столько дней испытывала жар. Не переживай, я о тебе позабочусь.

Она посмотрела на Дамиана, и ее взгляд был полон молчаливой просьбы, призывая его к состраданию. Дамиан наконец сдвинулся с места. Он подошел к кровати и навис надо мной темной скалой.

— Отдыхай, — приказал он. — Тебе понадобятся силы.

— Конечно, понадобятся! — счастливо подхватила сестра, не замечая ледяного тона. — Представляешь, Кристен? Малыш! Мы будем шить ему крохотные одеяльца, я свяжу ему пинетки... Мы будем самым лучшими тетей и мамой на свете!

Пинетки. Перед глазами вспыхнули синие сандалики, которые я купила Алешке. Он так и не успел их сносить. Я помнила его запах, когда утыкалась носом в макушку. Помнила тепло его маленького тельца, когда он засыпал у меня на руках. Это было все, что у меня осталось. И теперь эта девушка, эта сияющая, ничего не понимающая сестра, сыпала соль

на мою открытую, кровоточащую рану.

Дамиан даже не посмотрел в ее сторону. Его темные глаза впились в мои, и он произнес слова, которые заставили мое остановившееся сердце умереть еще раз.

– Он не будет здесь, – его голос был ровным и безжалостным, как скальпель хирурга. – Как только он родится, его отправят в Воспитательный дом Драконьего Утеса. Там о нем позаботятся.

Мир вокруг меня померк. Звуки исчезли. Остались только его слова, эхом повторяющиеся в оглушенной черепной коробке.

Его. Увезут.

О нем. Позаботятся.

Это был тот же сценарий. Та же фраза, которую я услышала от пьяного бывшего мужа, когда он забирал моего сына. «Я о нем позабочусь лучше тебя!» И отобрал. Навсегда.

Счастливая улыбка сползла с лица сестры. Она резко обернулась к Дамиану, ее глаза расширились от ужаса и непонимания.

– Что? – прошептала она. – Дамиан, ты не посмеешь! Это же ребенок! Твой ребенок!

Он никак не отреагировал на ее отчаянный возглас. Не удостоил даже взглядом. Словно ее не было в комнате. Он еще раз посмотрел на меня, словно вбивая гвозди в крышку моего гроба, затем молча развернулся и вышел.

Тяжелая дверь за ним закрылась с глухим стуком, который прозвучал как приговор.

Сестра бросилась ко мне, обнимая мои плечи. Она дрожала.

– Не слушай его, Кристен, не слушай! – зашептала она мне в волосы, и я почувствовала на своей щеке ее горячие слезы. – Он не сделает этого. Он не может. Я не позволю, слышишь? Я поговорю с ним, я его убежу...

Она говорила и говорила, но я ее уже не слышала. Я смотрела на закрытую дверь, и в моей голове был только белый шум и одна-единственная, пронзительная мысль.

Это повторится снова.

Я умерла, потому что у меня отняли сына. И очнулась здесь, только для того, чтобы у меня отняли его еще раз. Это был не второй шанс. Это был мой персональный, бесконечный ад.

Ее слезы были настоящими. Горячие капли падали на мою щеку, смешиваясь с моими собственными, которые текли беззвучно, без всхлипов. Я чувствовала, как дрожат ее плечи, как она крепко, почти отчаянно, обнимает меня, пытаюсь передать свое тепло. Она была единственным живым, теплым пятном в этом ледяном кошмаре.

– Не слушай его... не слушай... – шептала она, и ее голос срывался.

Я слушала. Я слышала каждое слово, но они не достигали сознания. Они разбивались о стену белого шума, который заполнил мою голову после того, как за Дамианом закрылась дверь. Его приговор все еще висел в воздухе, холодный и окончательный. *«Его отправят в Воспитательный дом Драконьего Утеса. Там о нем позаботятся».*

Я о нем позабочусь. Я.

Воспоминание о голосе бывшего мужа, пьяном и самодовольном, наложилось на ледяной тон Дамиана, и они слились в один чудовищный аккорд. История повторялась с дьявольской точностью.

Я отстранилась от Леи, вытирая щеки тыльной стороной незнакомой, слишком изящной руки. Мне нужна была информация. Мне нужно было понять хотя бы канву этой пьесы, в которой мне досталась главная и самая незавидная

роль.

– Что... что произошло? – мой голос прозвучал как скрип ржавой петли. – Как я здесь оказалась?

Лея посмотрела на меня с безграничным сочувствием. Ее большие голубые глаза все еще блестели от слез.

– Ты совсем ничего не помнишь? – она покачала головой, словно ругая себя. – Конечно, нет, если лекарь подтвердил. Мы гуляли в саду. День был такой теплый, ты радовалась солнцу... А потом тебе вдруг стало плохо. Ты побледнела, сказала, что кружится голова, и просто... потеряла сознание. Я так испугалась, Кристен! Едва докричалась до стражи. Тебя сразу отнесли сюда. Ты горела несколько дней.

Сад. Теплый день. Радовалась солнцу.

Это было как смотреть фильм о чужой жизни. Жизни какой-то Кристен, которая гуляла в саду. Я же в это время, наверное, умирала на полу своей пустой квартиры, прижимая к груди телефон, из которого мне сообщили, что моего Алешки больше нет.

Я снова посмотрела на свои руки. На тонкое запястье. Потрогала волосы – мягкие и шелковистые, не мои, вечно пересушенные дешевым шампунем. Я осторожно провела ладонью по своему животу. Плоскому. Я еще ничего не чувствовала, кроме легкой тошноты, но я знала. Знала, что там, внутри, уже зародилась жизнь.

И это знание не приносило радости. Оно приносило толь-

ко первобытный, животный ужас.

– Не думай сейчас об этом, – мягко сказала Лея, неверно истолковав мой жест. – Не думай о его словах. Дамиан сказал это в гневе. Он не такой. То есть... он сложный, но он не чудовище. Он не отберет у тебя ребенка, я тебе обещаю.

Она верила в то, что говорила. Ее искренность была почти осязаемой. Она видела перед собой свою сестру, напуганную жестокостью мужа. Она не знала, что передо мной стоит не просто угроза. Передо мной стоял призрак моего прошлого. И я знала, на что способны такие мужчины, как Дамиан. Я знала, что их решения нерушимы, а обещания ничего не стоят.

Я не его жена. Я не Кристен. Я – женщина, у которой уже один раз отняли все. И я каким-то непостижимым образом оказалась заперта в чужом беременном теле, чтобы пережить этот ад снова.

Нет.

Мысль была тихой, но твердой, как сталь. Нет. Не в этот раз.

Друзья, в рамках литмоба хочу познакомить вас с другой историей о попаданке в беременную <https://litnet.com/shrt/9e7t>

Я умерла в своём мире одинокой женщиной за шестьдесят, так и не познав материнства. А очнулась в теле юной леди Оливии Райвен— и тут же услышала приговор: «Пустоцвет. Развод. Ссылка».

Муж-дракон изгнал меня в заброшенное поместье на краю света, считая бесплодной. Он не знал, что я уже ношу под сердцем его наследника.

Лея оставалась со мной до самого вечера. Она принесла легкий бульон, который я с трудом заставила себя проглотить, рассказывала какие-то светские сплетни, пытаясь меня отвлечь, и без умолку строила планы о том, как мы будем воспитывать малыша. Каждое ее слово о крошечных чепчиках и колыбельных было для меня пыткой, но я молча кивала, поддерживая маску слабой и напуганной женщины. Я не могла позволить ей увидеть ту ледяную пустыню, которая образовалась у меня внутри.

Когда в комнате сгустились сумерки, и служанка зажгла свечи, Лея наконец ушла, пообещав зайти утром. Тишина, наступившая после ее ухода, была оглушительной. Я осталась одна. Наедине со своими мыслями, своим страхом и своим чужим телом.

Я медленно села в кровати. Слабость все еще окутывала меня, но разум, обожженный ужасом, работал на пределе. Я смотрела в темноту за окном, где смутно угадывались очертания деревьев, и снова и снова прокручивала в голове слова Дамиана.

«Его отправят... Там о нем позаботятся».

Каждый раз эта фраза отдавалась в груди тупой, разрывающей болью. Я вспоминала, как кричала на бывшего мужа, умоляя его не садиться за руль пьяным. Как он оттолкнул

меня, усмехнулся и сказал ту же самую фразу: «Я о нем позабочусь, не лезь». Он тоже был уверен в своей правоте. В своем праве решать. И его решение стоило мне сына.

Дамиан был таким же. Таким же самоуверенным, таким же жестоким в своей правоте. Он уже все решил. И наивная вера Леи в то, что его можно переубедить, была просто смешной. Я знала этот тип мужчин. С ними нельзя договориться. От них можно только бежать.

Я опустила ладонь на живот. Такой плоский, что беременность казалась бредом. Но она была. Я чувствовала ее на каком-то подсознательном уровне. Чувствовала эту крошечную искорку жизни, которая оказалась в такой же смертельной ловушке, как и я.

В прошлой жизни я проиграла. Я была слабой. Я позволила отобрать у меня ребенка, и это меня убило. Вселенная, или кто там дергает за ниточки, дала мне второй шанс. Не на счастье. Нет, я не питала иллюзий. Она дала мне второй шанс на борьбу.

Слезы высохли. Шок прошел, уступив место чему-то другому. Холодной, как сталь, звенящей ярости. Ярости матери, у которой хотят отнять ее дитя.

Я не знала этого мира. Не знала его законов, его опасностей. Я не знала, кто такая Кристен и каких врагов она успела нажить. Я была одна, в чужом теле, запертая в доме мужчины, который меня ненавидел. Мои шансы были ничтожны. Но я знала одно.

Я не отдам этого ребенка.

Я выживу. Я найду способ сбежать отсюда. Я рожу его вдали от этого монстра и его Драконьего Утеса. Я спрячу его, защищу, выращу. Я не позволю истории повториться. Я не допущу, чтобы еще один мой сын погиб из-за самодурства жестокого мужчины.

В груди, там, где раньше была только всепоглощающая боль утраты, зародилось новое чувство. Твердое, как камень.

Полная решимости, я откинула одеяло, чтобы впервые встать на ноги. Тело протестовало, мышцы дрожали от слабости, но я заставила себя подняться. Мне нужно было дойти до окна, осмотреться, оценить высоту. Сделать первый шаг к своему плану побега.

Я сделала несколько шатких шагов по холодному каменному полу, держась за резную спинку кровати. И тут мой взгляд упал на туалетный столик в углу комнаты, на котором стояло большое овальное зеркало.

Сердце пропустило удар. Я до сих пор не видела своего нового лица.

Медленно, как во сне, я подошла к зеркалу, цепляясь за мебель. Мои пальцы коснулись полированного дерева. Я подняла голову и заглянула в свое отражение.

И замерла, вцепившись в столик так, что побелели костяшки.

Из полумрака на меня смотрела... Лея.

Я стояла, вцепившись в туалетный столик, и смотрела на лицо Леи в зеркале. На *свое*лицо. Мозг отказывался это принять. Мы были двойняшками. Идеальными копиями. Единственная опора в моем рушащемся мире, светлый образ заботливой сестры, покрылся сетью зловещих трещин.

Дверь в комнату со скрипом отворилась. Я резко обернулась, внутренне подобралась, готовая к защите. В проеме стояла невысокая, плотная женщина в простом сером платье служанки. Ее лицо, испещренное сеткой морщин, было хмурым и недовольным.

– Миледи, что же вы творите? Вам же велено лежать!

Она решительно вошла в комнату, и я сделала шаг назад, к стене. Я не знала, кто она, и что ей нужно. Ее властный тон не был похож на поведение обычной прислуги.

– Я просто хотела... воды, – солгала я, мой голос прозвучал ровно, без дрожи.

Женщина остановилась, окинула меня оценивающим взглядом, и ее лицо смягчилось на долю секунды.

– Я принесу. А теперь вернитесь в постель. Прошу вас. Не хватало, чтобы вы еще головой ударились, тогда память никогда не вернется.

Это была уже не команда, а просьба. Я медленно кивнула и, держась за мебель, вернулась в кровать, укрывшись одея-

лом как щитом. Мне хотелось сказать, что моей памяти вряд ли хоть что-то поможет, но это было бы странно.

Она принесла стакан воды, помогла мне приподняться и дождалась, пока я сделаю несколько глотков.

– Лея сказала, мне стало плохо в саду, – произнесла я, глядя ей прямо в глаза. Это был не вопрос. Это был вброс информации, проверка реакции.

Женщина поджала губы.

– Леди Лея много чего говорит, – ровным тоном ответила она, забирая у меня стакан.

От этого ответа стало не по себе.

– Почему вы мне это говорите? – спросила я прямо.

Женщина посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом.

– Потому что я ваша кормилица, леди Кристен. Я Герта. И я знаю вас обеих с рождения. А еще потому, что я устала смотреть, как она вас губит.

Кормилица. Это объясняло ее тон. И ставило ее в уникальное положение – она не просто слуга, она почти член семьи. И у нее есть право на свою правду.

Две версии. Первая, от Леи: несчастный случай, обморок от жары. Простая и логичная. Вторая, от Герты: злой умысел. Мрачная, конспирологическая, но... она объясняла бы животный ужас, который я испытывала, находясь рядом с мужем, и его ледяную ярость.

– У вас есть доказательства? – мой голос был тихим, но твердым. Я не собиралась верить на слово ни одной из них.

Герта горько усмехнулась.

– Доказательства? Какие могут быть доказательства, когда она все делает с ангельской улыбкой? Есть только мои глаза. И ваша память, если она к вам вернется.

Она наклонилась ниже, и ее шепот был похож на шелест сухих листьев.

– В тот день она принесла вам чай. В вашей любимой чашке, с васильками по ободку.

Герта замолчала, давая мне время. Я копалась в пустоте своей новой памяти, но там ничего не было. Только мои собственные, кровавые воспоминания об Алешке.

– Вы выпили его, – продолжила она, видя, что я ничего не могу вспомнить. – До дна. Потому что вы ей верили. Всегда верили. А через пять минут вас уже несли в дом без сознания.

Герта ушла так же тихо, как и появилась, оставив меня наедине с ее зловещими словами. Комната погрузилась в тишину, но в моей голове бушевала буря.

Чай. Отравленный чай.

Это было похоже на сюжет дешевого романа. Слишком просто, слишком театрально. Лея, с ее искренними слезами и теплыми руками, казалась полной противоположностью образу хладнокровной отравительницы. Герта могла ошибаться. Могла быть просто старой, ревнивой служанкой, которая недолюбливала более яркую и удачливую из сестер.

А могла и не ошибаться.

Ее версия, какой бы дикой она ни казалась, складывалась в пугающе логичную картину. Необъяснимая болезнь. Ярость Дамиана, которая была бы чрезмерной для простого обморока. И мое попадание сюда – возможно, душа Кристен действительно покинула тело после яда, освободив место для моей.

Кому верить? Ангелу с сияющей улыбкой или хмурой служанке с горькой правдой в глазах?

Ответ был прост. Никому.

Я больше не была наивной Машей, которая верила в лучшее. Та Маша умерла вместе со своим сыном. Я была выжившей. А выжившие не доверяют никому. Они наблюда-

ют. Анализируют. И ждут удачного момента, чтобы нанести удар. Я закрыла глаза, и передо мной снова встало лицо Алешки – его улыбка, ямочки на щеках. *Я не проиграю снова, малыш. Обещаю.* Эта мысль придала мне сил, и, обессиленная борьбой чужих истин, я провалилась в тяжелый сон без сновидений.

Разбудил меня солнечный луч, пробившийся сквозь щель в тяжелых шторах, и звонкий смех.

– Кристен! Сестренка, просыпайся! Посмотри, какой чудесный день!

Лея влетела в комнату, словно порыв свежего ветра. Она была одета в легкое платье цвета утреннего неба, ее платиновые волосы сияли в солнечном свете. Она распахнула шторы, и комната наполнилась светом.

– Я распорядилась, чтобы нам накрыли на террасе. Представляешь? Теплые булочки с джемом и твой любимый жасминовый чай!

Чай. Это слово ударило меня, как пощечина. Я заставила себя улыбнуться, хотя внутри все сжалось в ледяной комок.

– Звучит... чудесно, – медленно произнесла я.

– Тогда чего мы ждем? Давай я помогу тебе одеться!

Она вытащила из огромного шкафа сложное на вид платье из тонкой шерсти. Я смотрела на все эти шнуровки, крючки и нижние юбки с тихим ужасом. В моем мире были джинсы и футболки. Здесь, чтобы просто одеться, требовалась посторонняя помощь. Лея, весело щебеча, помогла мне справиться

ся с этим квестом. А потом усадила меня перед зеркалом и взяла в руки щетку.

– У тебя такие прекрасные волосы, – промурлыкала она, проводя щеткой по прядям. – Дамиан всегда говорил, что они похожи на лунный свет.

Ее прикосновения были нежными. Ее голос был ласковым. Но я сидела, напряженная как струна, и чувствовала, как по спине бегут мурашки. Каждое ее слово, каждый жест я теперь пропускала через фильтр подозрений. Это было невыносимо.

Когда мы наконец спустились вниз и вышли на залитую солнцем террасу, я увидела, что стол действительно накрыт. Белоснежная скатерть, фарфоровые чашки, серебряный чайник, от которого поднимался тонкий ароматный парок. Все было идеально.

Кроме одной детали.

За столом, в плетеном кресле, спиной к нам, сидел Дамиан. Он медленно пил кофе из темной чашки, глядя на утренний сад. Его присутствие мгновенно разрушило всю пасторальную картину, наполнив воздух звенящим напряжением.

Лея тоже замерла на пороге.

– Доброе утро, – пролепетала она, явно не ожидая его здесь увидеть.

Он не обернулся. Он просто поставил чашку на блюдце, и звук фарфора о фарфор прозвучал в утренней тишине оглушительно громко. А потом он сказал, его голос был холод-

ным и ровным, как поверхность замерзшего озера.

– Лея. Оставь нас.

Слова Дамиана повисли в утреннем воздухе, холодные и острые, как осколки льда. Лея замерла. На ее лице промелькнула тень разочарования, но она тут же скрыла ее за маской послушания.

– Конечно, – прошептала она, бросив на меня быстрый, сочувствующий взгляд, и почти бегом скрылась в доме.

Я осталась одна. В западне.

Солнце грело, пели птицы, пахло розами и свежесваренным кофе. Но для меня вся эта идиллия мгновенно превратилась в ледяную, стерильную операционную, где я была объектом для препарирования. Я чувствовала себя бабочкой, пришпиленной к столу его тяжелым, изучающим взглядом.

Паника подкатила к горлу липким, удушающим комом. Мой бывший муж был ублюдком, да. Он был громким, агрессивным, его гнев был похож на лесной пожар – всепоглощающий, но предсказуемый. Я знала, когда он взорвется. Я знала, как его потушить или где от него спрятаться.

Этот мужчина был другим. Его ненависть не кричала, она молчала. Она была в том, как напряжены его плечи под тонкой тканью рубашки, в том, как он держал чашку, в абсолютной, непробиваемой пустоте его глаз. Это была ненависть не лесного пожара, а арктического ледника – медленная, без-

жалостная и способная раздавить все на своем пути.

Я заставила себя сделать шаг, подошла к столу и села в кресло напротив него. Я не прикоснулась к чаю.

– О чем вы хотели поговорить со мной? – мой голос прозвучал на удивление ровно. Я решила действовать на опережение, не дать ему загнать меня в угол молчанием.

Он медленно поставил свою чашку, звук фарфора о фарфор был единственным звуком в затянувшейся паузе. Он смотрел на меня. Не на волосы, не на платье. Прямо в глаза. Словно пытался разглядеть мою душу.

– Лекарь сказал, ты ничего не помнишь, – наконец произнес он. Это был не вопрос, а утверждение. – Это правда?

– Да. Пустота, – ответила я, крепче сжимая подлокотники кресла. Пальцы похолодели.

– Совсем ничего? – в его голосе проскользнули нотки едкой насмешки.

– Совсем.

Моя броня холодной отстраненности давала трещину. Растерянность брала верх. Я не знала, как вести себя с ним. Я не знала правил этой игры. Я видела его впервые в жизни, но чувствовала застарелую, въевшуюся враждебность, причину которой я не понимала.

– Жаль, – протянул он, и в этом слове не было ни капли сожаления. Только холодное, злое удовлетворение. – Некоторые вещи стоит помнить.

Он снова замолчал, продолжая свой безжалостный

осмотр. Он словно наслаждался моим замешательством, моей уязвимостью. Он намеренно растягивал эту пытку, наблюдая, как я ломаюсь под его давлением. Сердце забилося где-то в горле, мешая дышать.

– Зачем... зачем я вам нужна? – не выдержала я. Вопрос вырвался сам собой, слабый и испуганный.

На его губах мелькнула тень усмешки. Жестокой.

– Ты мне не нужна, – отрезал он. – Но твое... состояние, – он с откровенной брезгливостью скользнул взглядом по моему животу, – вносит некоторые коррективы в наши планы.

Он наклонился вперед, опираясь локтями на стол. Расстояние между нами сократилось, и я почувствовала, как аура его холодной ярости стала почти осязаемой.

– Впрочем, раз уж твоя память так удобно очистилась, – его голос стал ниже, в нем зазвучали угрожающие, рокошующие нотки, – хочешь, я напомню тебе, как ты его получила?

Друзья, сегодня постараюсь выложить еще продю. Хотите? ##

Буду благодарна за поддержку кнопочкой "Мне нравится"###

Его слова были не просто угрозой. Это была грязная, уни-
зительная пощечина.

– Нет, – я поспешно замотала головой, отшатнувшись так
резко, что спина ударилась о прутья кресла. Паника, кото-
рую я так старательно сдерживала, вырвалась наружу ледя-
ной волной.

На губах Дамиана проскользнула едва заметная усмешка.
Он видел мой страх. И он ему нравился. Медленным, отто-
ченным движением он подвинул ко мне маленькую фарфо-
ровую чашку без ручки, больше похожую на стопку. В ней
плескалась густая, почти черная жидкость.

– Лекарь сказал, это поможет твоей памяти, – его голос
был обманчиво ровным. – Пей.

Это был приказ. Абсолютный и не терпящий возражений.
Я смотрела на темную жидкость, потом на него. В его глазах
не было ничего, кроме холодной, выжидающей воли. Я по-
няла, что спорить бесполезно. Продолжать это противостоя-
ние было выше моих сил. Легче было подчиниться. Сделать
то, что он хочет, и пусть он оставит меня в покое.

Дрожащей рукой я взяла чашку. Жидкость была горькой,
с сильным травяным привкусом. Я зажмурилась и залпом
выпила все до дна, как ядовитое лекарство.

В тот момент, когда я поставила пустую чашку на стол,

это и случилось.

Стресс, помноженный на действие концентрированного отвара, ударил по моему сознанию, как молния. Комната на террасе исчезла. Солнечный свет сменился полумраком спальни. Запах роз – тяжелым, мускусным запахом мужского тела и ярости.

Вспышка.

Темная ткань платья, разорванная у ворота.

Его руки, сжимающие мои бедра. Не просто держат – впи-
ваются, оставляя на коже невидимые синяки. Властные, без-
жалостные.

Вспышка.

Его лицо совсем близко. Челюсти сжаты, в глубине тем-
ных глаз горит черный огонь. Он зол. Он в ярости. Он нена-
видит ее. Меня. Но его дыхание обжигает кожу, и в этой
ненависти есть что-то еще. Голод. Жадность.

Вспышка.

Боль от грубого толчка, тут же сменившаяся ошеломля-
ющей волной жара. Он вбивался в податливое тело, наказы-
вая, требуя, забирая свое. Каждый его выдох – рычание. Каж-
дый толчок – утверждение его права. Горячий. Злой. Нена-
сытный. Он хотел ее так сильно, а она дала повод. Она по-

смела.

Я чувствовала ужас. Животный, первобытный ужас Марии, для которой это было насилием. Агрессией. Подтверждением того, что он – монстр.

Но сквозь мой собственный ледяной страх просачивалось что-то еще. Чужое. Горячее.

Это были чувства Кристен.

Ей было страшно, да. Страшно от его ярости, от его силы.

Но ей не было больно. Не по-настоящему.

Потому что под страхом, под унижением, ее тело отвечало. Оно плавилось от его прикосновений. Оно изгибалось ему навстречу. Она сама была возбуждена и отчаянно, до дрожи в коленях, нуждалась в этой близости, пусть и такой жестокой, такой агрессивной. Она хотела его. Даже такого. Особенно такого.

Ощущения были настолько реальными, что я задохнулась. Фантомный жар чужого желания прокатился по моему телу, заставляя кровь прилить к щекам. Я резко распахнула глаза, жадно глотая воздух.

Терраса вернулась на место. Солнце, цветы, белоснежная скатерть. И он.

Дамиан не сдвинулся с места. Он все так же сидел, опе-

ревшись локтями о стол, и смотрел на меня. Но теперь в его взгляде была не просто холодная ярость. В нем появилось что-то еще – темное, хищное любопытство. Он видел. Он точно видел, как изменилось мое лицо, как затуманился взгляд. Он наблюдал за мной, как ученый за подопытным животным, которому только что ввели сильнодействующий препарат.

– Что ж, – протянул он медленно, и его голос вырвал меня из остатков чужого транса, – кажется, настойка лекаря действительно работает.

Я не могла произнести ни слова. Горло пересохло. Я чувствовала себя грязной, оскверненной не столько самим актом, сколько чужими, непонятными мне эмоциями. Тело Кристен предательски хранило память о том унижительном удовольствии, и сейчас эта память принадлежала мне.

Я отвела взгляд, не в силах выдерживать его пристального внимания. Уставилась на свои руки, сцепленные на коленях в замок. Они дрожали.

– Похоже, воспоминание было... ярким, – продолжил он с той же издевательской интонацией.

Я молчала, надеясь, что он просто прекратит этот допрос, эту пытку. Но он не собирался этого делать. Он ждал. Наслаждался моим унижением. Я чувствовала его взгляд на своих волосах, на шее, на плечах. Он словно раздевал меня снова, только на этот раз – медленно и безжалостно, слой за слоем сдирая мою защиту.

Я заставила себя поднять голову и встретиться с ним взглядом, пытаясь собрать остатки самообладания.

– Я ничего не понимаю, – прошептала я. Это была единственная правда, которую я могла произнести.

Он усмехнулся. Не улыбнулся, а именно усмехнулся – одними уголками губ, что делало его лицо еще более жестоким.

– Правда? – сказал он, его голос стал вкрадчивым, почти интимным, и от этого по спине пробежал холодок. – А помоему, ты кое-что начала понимать.

Он чуть наклонил голову набок, не отрывая от меня своего пронзительного взгляда.

– Что же ты такого вспомнила, жена, что так густо покраснела?

Очень интересны ваши мысли по поводу проды)))

Всех ##

Я не нашлась с ответом. Что я могла ему сказать? Что я только что побывала в теле его жены в момент, когда он грубо и яростно брал ее в наказание за что-то? Что я ощутила ее унижительный, отчаянный восторг? Сказать это человеку, который смотрел на меня с холодным презрением, было немыслимо.

Я просто отвела взгляд, уставившись на нетронутую чашку с жасминовым чаем. Мое молчание было громче любого ответа.

Дамиан усмехнулся. Тихо, удовлетворенно. Он получил то, что хотел – увидел мое смятение, мое унижение. Добившись своего, он потерял ко мне интерес. Резко отодвинув кресло, он поднялся во весь свой огромный рост и, не проронив больше ни слова, ушел, оставив меня одну на террасе, дрожащую от перенесенного потрясения.

Не успела я перевести дух, как рядом снова возникла Лея. Ее лицо было полно тревоги и любопытства.

– Кристен? Что случилось? О чем он с тобой говорил? Ты вся бледная!

– Ни о чем, – отмахнулась я, поднимаясь из-за стола. Мне нужно было двигаться, что-то делать, чтобы вытряхнуть из себя липкие остатки чужого воспоминания. – Я не голодна. Пойдем.

Лея следовала за мной по пятам, засыпая вопросами, но я упорно молчала, ссылаясь на головную боль. Мне нужно было время, чтобы все переварить. Чтобы отделить свой собственный ужас от постыдного восторга Кристен.

В тот день я начала изучать свой новый дом. Свою тюрьму. Лея была моим гидом. Она водила меня по бесконечным коридорам, показывала огромную библиотеку, бальный зал, оружейную. Я кивала, улыбалась, но смотрела не на gobelены и картины. Я оценивала толщину стен, высоту окон, количество стражи у входов. Я искала лазейки.

Мы спустились на нижний этаж, где располагались кухни, прачечные и кладовые для слуг. Здесь царил совсем другой мир – мир пара, тяжелой работы и запахов. В прачечной девушки в огромных тазах замачивали белье в мутной жидкости, пахнувшей кислой травой.

– Это вервеск, – пояснила Лея на мой вопросительный взгляд. – Его отваром стирают.

На кухне я увидела, как молоденькая служанка скребет чугунный котел, покрытый слоем застывшего жира. Она посыпала его песком и терла с таким усилием, что ее лицо покраснело. Ничего не помогало. Жир просто размазывался.

– Проклятый жир! – прошипела она себе под нос, вытирая пот со лба.

Рядом с кухней, у задней двери, стояли ведра, наполненные остывшей серой золой из каминов и печей. Ее, как я поняла, просто выносили и выбрасывали.

Я остановилась как вкопанная.

Стирка – отваром вервеска. Жирная посуда – песком и проклятиями. Полы – просто горячей водой. Они не знали. Они просто не знали.

Жир с кухни. И зола из каминов. Два простейших компонента, которые они выбрасывали или использовали не по назначению. Два компонента, которые при правильном соединении давали продукт, способный изменить их быт навсегда.

Мыло.

В этом мире не было мыла. У них было все, что нужно для его создания. Все, кроме знания.

Эта мысль ошеломила меня своей простотой и масштабом. Я могла не просто сделать предмет роскоши. Я могла принести сюда целую технологию. Я могла создать то, в чем будут нуждаться все – от последней прачки до самого короля.

Деньги. Это слово обрело новый, головокружительный смысл. Я могла заработать не просто на побег. Я могла заработать на целую крепость, в которой спрячу себя и своего ребенка.

Я посмотрела на свои тонкие, аристократические руки. Руки леди Кристен. Они не привыкли к работе. Ничего. Привыкнут.

Следующие несколько дней я провела в кровати, изображая слабую и напуганную жертву. Герта приносила мне еду и горькую настойку, которую я послушно пила, не ощущая больше никаких побочных эффектов. Лея проводила со мной часы, читая вслух и рассказывая истории из их с Кристен детства. Я слушала, запоминала, впитывала детали, как губка. Каждая крупица информации была важна.

Но бездействие меня убивало. План зрел, и ему нужен был выход.

В один из солнечных дней, когда Лея в очередной раз присела у моей кровати с книгой, я решила, что пора действовать.

– Лея, – начала я, стараясь, чтобы мой голос звучал слабо и капризно, – мне так надоело лежать в четырех стенах. Лекарь говорил, что свежий воздух полезен.

– Конечно, сестренка! – тут же откликнулась она. – Мы можем немного посидеть на террасе!

– Нет, – я покачала головой. – Я бы хотела... прогуляться. В саду. Герта говорит, что запахи некоторых трав успокаивают. Мне бы хотелось собрать немного лаванды, может, мяты...

Это была идеальная легенда. Причуда беременной женщины с пошатнувшимися нервами.

Лицо Леи просияло.

– Какая чудесная идея! Конечно, пойдем! Я помогу тебе собраться.

Она с энтузиазмом подобрала для меня легкую накидку и удобные туфли. Она видела в этом хороший знак – ее больная сестра наконец-то проявляет интерес к жизни. Она не знала, что я иду не на прогулку. Я иду на разведку.

Мы медленно шли по ухоженным дорожкам сада. Лея беззаботно щебетала, указывая на пышные кусты роз и яркие клумбы. Я кивала, улыбалась, но сама лихорадочно осматривалась. Мне нужно было не это. Не парадная, вылизанная часть сада. Мне нужно было что-то укромное. Скрытое от любопытных глаз.

– Мне кажется, самые ароматные травы должны расти там, где больше солнца и меньше ухода, – сказала я, указывая в сторону дальней, заросшей части сада, примыкавшей к высокой каменной стене.

– О, там все запущено, – поморщилась Лея. – Садовники туда редко заходят. Но если ты хочешь...

Она, как всегда, уступила. Мы свернули с гравийной дорожки на едва заметную тропинку. Здесь действительно все было по-другому. Трава росла выше, цветы были дикими, а воздух был гуще и прянее. Я делала вид, что срываю листья мяты и соцветия ромашки, но сама продолжала сканировать пространство. Мне нужно было место. Помещение. Что-то, где можно развести огонь и спрятать оборудование.

И я его нашла.

Мы обогнули старый, разросшийся куст сирени, и за ним, у самой стены, увидели его. Это был сарай. Старый, покосившийся, из потемневшего от времени дерева. Одна створка двери сорвалась с петли и висела под углом, крыша была покрыта густым мхом. Он был совершенно заброшенным и забытым.

Я остановилась как вкопанная, чувствуя, как бешено за-
колотилось сердце.

– Фу, какая развалюха, – поморщилась Лея, дернув меня за рукав. – Пойдем отсюда, Кристен, здесь, наверное, полно пауков.

Но я не двигалась. Я смотрела на этот ветхий, убогий сарай, и видела в нем нечто иное. Я видела в нем свою тайную мастерскую. Свою крепость. Свое спасение.

– Кристен? – удивленно позвала Лея, заметив мой странный взгляд. – Что это с тобой?

Я медленно повернула к ней голову, но смотрела сквозь нее.

Вот оно.

– Кристен? – удивленно позвала Лея, заметив мой странный взгляд. – Что это с тобой?

– Ничего, – я тряхнула головой, сбрасывая оцепенение. – Просто... интересно, что там внутри.

– Да что там может быть интересного? Старый хлам, – фыркнула она. – Его давно собирались снести, да все руки не доходили.

Но я уже шла к сараю, ведомая необъяснимым предчувствием. Я не могла объяснить это логически, но чувствовала, что должна заглянуть внутрь. Дверь поддалась с протяжным, жалобным скрипом. В нос ударил густой запах пыли, прелой древесины и чего-то еще, кисло-сладкого, как забродившее вино.

Внутри царил полумрак. Лучи солнца пробивались сквозь щели в стенах, выхватывая из темноты горы того, что Лея назвала бы хламом. Старые бочки, какие-то мешки с истлевшим содержимым, сломанные садовые инструменты. Но мой взгляд зацепился за другое.

В дальнем углу сарая, под слоем пыли и паутины, стояло нечто невероятное. Сложная конструкция из большого медного котла, соединенного изогнутыми трубками со змеевиком, опущенным в деревянную бочку.

Самогонный аппарат.

Я замерла, не веря своим глазам. В прошлой жизни я видела такие только в фильмах про подпольных бутлегеров. Но я знала принцип его работы. Дистилляция. Перегонка. Процесс, который позволял не просто кипятить жидкости, а отделять их составляющие.

Это был не просто самогонный аппарат. Для меня это был аламбик. Идеальное устройство для получения эфирных масел.

– Боги, какая мерзость! – воскликнула Лея, брезгливо зажимая нос. – Дед старого садовника гнал здесь какую-то свою огненную воду. Пойдем же отсюда!

Но я ее не слушала. Я осматривалась дальше, и сердце билось все чаще. Рядом с аппаратом стояли чугунные котлы разного размера. На полках пылились глиняные горшки и миски. А в центре сарая, сложенная из грубого камня, возвышалась небольшая, но основательная печь с дымоходом, выведенным сквозь крышу.

Огонь. Емкости для смешивания. И аппарат для дистилляции.

В моей голове все мгновенно сложилось в единую картину. Я смогу не просто варить примитивное мыло из жира и золы. Я смогу получать драгоценные эфирные масла из трав, которые росли здесь в изобилии. Розовое масло. Лавандовое. Мятное. Я смогу создавать не просто очищающий продукт, а элитную, ароматную косметику, о которой в этом мире никто даже не слышал.

Это открытие меняло все. Оно повышало мои шансы в десятки раз. Такой товар будет стоить целое состояние.

– Кристен, я серьезно! – Лея нетерпеливо потянула меня к выходу. – Здесь ужасно!

– Да, ты права, – я поспешно кивнула, стараясь придать лицу такое же брезгливое выражение. – Пойдем.

Я позволила ей увести себя из этого пыльного, заброшенного сарая. Но уходя, я бросила на него последний взгляд.

Мы вернулись в дом, и я тут же сослалась на усталость, чтобы прекратить пустую болтовню Леи. Она с готовностью проводила меня до комнаты, пообещав принести прохладный морс. Пока она отдавала распоряжения на кухне, я медленно шла по коридору, все еще прокручивая в голове увиденное в сарае.

Из приоткрытой двери одной из комнат для прислуги доносились приглушенные голоса. Я не собиралась подслушивать, но одна фраза заставила меня замереть.

– ...и вот я их ищу, ищу, а найти не могу! – сокрушенно говорила молоденькая девушка. – Все восемь серебряных ложек из хозяйского сервиза. Проснулась в холодном поту.

– Ох, Мегги, это дурной сон, – ответил ей второй, более зрелый женский голос. – Терять что-то во сне – к убыткам и неприятностям. Смотри сегодня в оба за всем, что в руки берешь. И лучше помолись Светлым, чтобы отведили беду.

– И то правда, – испуганно согласилась Мегги.

Я медленно пошла дальше. Разговор был пустяковым, но для меня он стал еще одним откровением. В этом мире к снам относились серьезно. Очень серьезно. Их считали предзнаменованиями, пророчествами, предупреждениями свыше. Люди верили, что во сне можно получить как дурную весть, так и божественное откровение.

Эта деталь мгновенно встроилась в мой план. Я не могла объяснить свои познания в мыловарении логически. Я, леди Кристен, никогда этим не занималась. Но если рецепт при-
снился мне? Если сами Светлые боги послали мне его во сне, чтобы я, бедная, больная женщина, нашла себе утешение и занятие? Против такого аргумента будет трудно возразить. Это было идеальное прикрытие.

Когда Лея вернулась с морсом, я уже лежала в кровати с самым изможденным видом.

– Я немного отдохну, – прошептала я. – Прогулка меня утомила.

– Конечно, сестренка, отдыхай, – она заботливо поправила мне подушку. – Я тоже прилягу у себя. Позови, если что-то понадобится.

Я дождалась, пока ее шаги затихнут в коридоре. Подождала еще полчаса для верности. А потом тихо, как мышь, выскользнула из комнаты. Сердце колотилось от адреналина. Это был мой первый акт неповиновения. Мой первый шаг к свободе.

Я кралась по коридорам, стараясь держаться в тени и избегать встреч со слугами. Мне повезло. Я незамеченной выскользнула через заднюю дверь. Прежде чем идти к сараю, я решила осмотреть его снаружи. Обойдя строение, я наткнулась на еще одну невероятную удачу. В нескольких шагах от задней стены, скрытый в зарослях крапивы, находился старый колодец с каменным бортиком и тяжелой деревянной

крышкой. Вода. Чистая вода прямо под рукой. Мне не придется таскать ее ведрами из дома.

Сарай встретил меня тишиной и запахом пыли. Теперь, когда я была одна, я могла не сдерживаться. Я сбросила изящные туфли и с наслаждением прошла босиком по пыльному деревянному полу. Это место было моим.

Работы было невпроворот. Для начала нужно было навести хотя бы подобие порядка. Я нашла старую метлу и принялась выметать многолетнюю паутину и пыль. Нашла тряпку и протерла полки. Перетащила тяжелые котлы поближе к печи, оценивая их объем и состояние. Все было покрыто ржавчиной и грязью, но вполне пригодно для работы.

Я трудилась несколько часов, забыв обо всем на свете. Я была не леди Кристен в шелковом платье, а Машей-мыловаром в своей мастерской. Я чувствовала себя живой. По-настоящему живой.

Увлечшись, я не сразу услышала звук шагов за дверью. Я замерла, когда скрипнула покосившаяся дверь, и в дверном проеме нарисовалась темная фигура, перекрывшая солнечный свет.

Это была не Лея.

На пороге моего тайного убежища, скрестив руки на груди, стояла Герта. И ее лицо было мрачнее тучи.

13-15

При виде Герты я замерла с тряпкой в руке. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Поймали. Так глупо и так быстро. Мой великий план побега рисковал закончиться, так и не начавшись.

– Что вы здесь делаете, миледи? – голос Герты был строгим, в нем не было и намека на удивление.

– А вы? – нашлась я с ответным вопросом, пытаюсь выиграть время. – Как вы меня нашли?

Герта хмыкнула, скрестив руки на груди.

– Леди Лея вернулась с прогулки и долго ругалась, что ее платье пропахло пылью и гнилью из этого сарая. А потом велела мне проследить, чтобы его заколотили. Чтобы вы, – она сделала выразительную паузу, – больше не вздумали сюда ходить.

Так вот оно что. Лея не просто ушла. Она решила отрезать мне путь к моему единственному шансу. Искренняя забота? Как же.

– Но вы не стали этого делать, – констатировала я, внимательно глядя на кормилицу.

– Не стала, – подтвердила она. – Решила сперва посмотреть, что за сокровища вы тут нашли, что готовы пачкать шелка и дышать этой мерзостью.

Ее тон был недовольным, но я уловила в нем и нотки лю-

бопытства. Она не спешила бежать к Дамиану с докладом. Это был хороший знак.

– Я устала лежать без дела, Герта, – я решила говорить честно. Ну, почти честно. – Устала чувствовать себя беспомощной куклой. Мне нужно чем-то занять руки. И голову.

Я обвела взглядом пыльный сарай.

– Здесь я... чувствую себя лучше.

Герта окинула взглядом мою грязную одежду, растрепанные волосы и почему-то вздохнула.

– Все это добром не кончится, миледи. Лорд будет в ярости, если узнает.

– А он не узнает, – я шагнула к ней ближе, понизив голос. – Тем более, у меня есть причина.

– И какая же? – с недоверием спросила она.

– Мне приснился сон, – выпалила я, пуская в ход свою заготовку. – Сегодня ночью. Такой ясный, такой... настоящий. Будто сами Светлые со мной говорили. Они показали мне, как из жира и золы сделать нечто прекрасное. Чистое. Ароматное. То, что лечит кожу и радует душу. Они сказали, что это поможет мне... и моему ребенку.

Я смотрела на Герту, затаив дыхание. Сработает? Или она поднимет меня на смех?

Лицо кормилицы медленно менялось. Недоверие уступало место изумлению, а затем... суеверному страху. Она, как и все в этом мире, верила в сны.

– Великие Светлые... – прошептала она, осеняя себя ка-

ким-то местным знаком. — Вещий сон...

— Да, — твердо подтвердила я, чувствуя, что нащупала правильный путь. — И теперь я просто не могу сидеть на месте. Я должна попробовать. Должна сделать то, что мне было велено во сне. Вы ведь понимаете?

Герта долго молчала, переводя взгляд с меня на пыльные котлы, потом снова на меня. В ее глазах боролись здравый смысл и глубоко укоренившаяся вера.

Наконец, она приняла решение.

— Хорошо, — глухо сказала она. — Я вам помогу. Но если лорд узнает, я скажу, что отговаривала вас.

Я не могла поверить своим ушам.

— Правда, можете?

— Помогу, — твердо повторила она. — Принесу жир с кухни и золу. И прослежу, чтобы ни Лея, ни другие слуги сюда не совались. Но делать все будете сами, миледи. Раз уж вам было видение.

Я смотрела на эту хмурую, ворчливую женщину и понимала, что только что обрела самого неожиданного и самого ценного союзника.

Иметь союзника было прекрасно на словах. На деле же сохранить мою тайну оказалось невозможно.

Герта сдержала слово. Тем же вечером она принесла мне ведро с остатками жира с кухни и мешок чистой, просеянной золы. На следующий день я была в сарае с самого утра. Первым делом нужно было получить щелок — основу основ.

Я развела огонь в печи, натаскала воды из колодца и поставила котел. Процесс был долгим и требовал внимания.

Но я кое-чего не учла.

Дым.

Густой белый дым, который валил из трубы заброшенного сарая, был прекрасно виден из окон особняка. Уже к полудню, я была уверена, все слуги знали, что странная леди Арден, потерявшая память, теперь еще и занимается чем-то непонятным в старой развалюхе. Это был лишь вопрос времени, когда новость дойдет до хозяина.

И он пришел.

Я как раз склонилась над котлом, помешивая бурлящую смесь длинной палкой, когда дверь сарая распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Я вздрогнула и резко обернулась.

На пороге стоял Дамиан. Он был одет в простую тренировочную рубашу и бриджи, волосы были влажными после занятий. Но вид у него был не менее угрожающий, чем в день нашего первого разговора. Его лицо было мрачной, грозовой тучей.

– Что здесь происходит? – его голос был тихим, но от этого еще более опасным. Он медленно вошел внутрь, оглядывая мой импровизированный цех с откровенным отвращением.

– Я... я работаю, – только и смогла выдавить я, отступая на шаг от котла.

– Я вижу, – ледяным тоном произнес он. – А теперь объ-

ясни мне, какого демона ты делаешь в этой грязи, и почему весь сад провонял гарью.

Я глубоко вздохнула, собираясь с духом. Отступить было нельзя.

– Мне приснился сон, – твердо сказала я, глядя ему прямо в глаза. Я решила использовать свое прикрытие сразу, не дожидаясь расспросов.

Он замер и вскинул бровь. Насмешка в его взгляде была почти осязаемой.

– Сон?

– Да. Мне приснилось, как из этого, – я кивнула на котел, – можно сделать нечто чистое и полезное. Это... утешает меня.

– Утешает? – он сделал шаг ко мне, и я невольно попятилась. – Тебя утешает возиться в помоях, как последней прачке? Твое место в доме, в постели. А не в этой дыре.

– Мое место там, где я сама решу, – вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

Он остановился. Воздух в сарае загустел. Его темные глаза опасно сузились. Я ожидала чего угодно: что он схватит меня, выволочет отсюда, прикажет заколотить сарай. Но он молчал, изучая меня так, словно видел впервые.

– Убирайся отсюда. Немедленно, – наконец приказал он.

Но я не сдвинулась с места. Я просто стояла, глядя ему в глаза, и отрицательно качала головой. Страх сжимал внутренности ледяными тисками, но клятва, данная мое-

му нерожденному сыну, была сильнее. Этот сарай был моей единственной надеждой. Я не могла его отдать.

Мое тихое упорство, мой безмолвный бунт, казалось, озадачили его больше, чем любая истерика. Он ожидал слез, мольбы, подчинения. А получил упрямый, хоть и испуганный, взгляд.

Он еще раз обвел сарай тяжелым взглядом, задержавшись на моих перепачканных сажей руках и решительно сжатых губах. Что-то в его лице дрогнуло. Может, презрение. А может, что-то еще, чего я не смогла разобрать.

– Хорошо, – неожиданно произнес он. И от этого простого слова я чуть не лишилась чувств. – Играй в свои игры.

Он развернулся так же резко, как и появился. Уже у самой двери он обернулся, и его взгляд был холоднее зимней ночи.

– Но если из-за твоих... причуд, пострадает ребенок, я с тебя шкуру спущу. Запомни это.

16-19

Когда тяжелая дверь сарая за ним захлопнулась, я еще несколько секунд стояла не дыша, вслушиваясь в удаляющиеся шаги. Воздух, казалось, все еще вибрировал от его присутствия. Я прислонилась к холодной каменной стене, чувствуя, как дрожат колени. Он разрешил. Нехотя, с презрением, с завуалированной угрозой, но – разрешил.

Его последние слова – «если из-за твоих... причуд, пострадает ребенок, я с тебя шкуру спущу» – не пугали, а отрезвляли. Он тоже видел в этом ребенке нечто важное. Не сына, нет. Наследника. Собственность. И пока я носила эту собственность, я была под его своеобразной, жестокой защитой. Это был мой единственный щит и моя главная уязвимость.

Я глубоко вздохнула, отгоняя остатки страха, и вернулась к котлу. Ярость, холодная и звенящая, придавала сил. Играть в свои игры? Хорошо, лорд Арден. Поиграем.

Процесс был долгим и утомительным. Щелок, который я получила накануне, нужно было смешать с жиром в правильных пропорциях. Я работала на интуиции, на мышечной памяти из прошлой жизни, когда варила свое первое мыло на крошечной кухне, мечтая о маленьком магазинчике. Кто бы мог подумать, что этот скромный навык станет моим единственным оружием в аду.

Через несколько часов мутная, жирная жижа в котле начала густеть. Я помешивала ее, пока рука не онемела, а затем оставила остывать, накрыв старой мешковиной. На следующий день, едва дождавшись, пока Лея уйдет по своим делам, я снова была в своем тайном убежище.

Масса в котле застыла. Она была некрасивой, серо-коричневой, с желтоватыми разводами. Я взяла старый нож и с усилием вырезала кусок. Он был плотным, жирным на ощупь и пах не травами или цветами, а просто... чистотой. Той самой едкой, щелочной чистотой, которая предшествует любому аромату.

Я нарезала всю массу на грубые, неровные бруски и разложила их на деревянной полке для просушки. Мое первое мыло. Моя первая партия оружия. Глядя на эти уродливые куски, я чувствовала невероятную гордость. Это было нечто настоящее. Нечто, созданное моими руками. Мой первый шаг к свободе.

Через несколько дней, когда бруски достаточно затвердели, я завернула несколько штук в чистую тряпицу и направилась туда, где мое изобретение должно было пройти главное испытание – в прачечную.

Я застала там Герту и еще двух девушек. Они стояли над огромными деревянными тазами, стирая белье в мутноватой воде с отваром вервеска, от которого кисло пахло по всему помещению. Лица у всех троих были красными от пара и напряжения.

– Герта, – позвала я.

Она выпрямилась, вытирая мокрые руки о фартук. Ее взгляд был настороженным.

– Миледи. Вам что-то нужно?

– Я принесла то, что мне приснилось, – я развернула тряпицу и протянула ей один из брусков.

Девушки прекратили работу и с любопытством уставились на мою руку. На их лицах был написан откровенный скепсис. В их глазах я была сумасбродной аристократкой со странными причудами, а в руках у меня был просто кусок застывшего жира.

– И что это? – недоверчиво спросила Герта, даже не прикоснувшись к мылу.

– Это... для стирки, – я говорила как можно мягче, чтобы не звучать как сумасшедшая. – Оно должно очищать лучше, чем травы. Попробуйте. Возьмите самую грязную вещь.

Внутри меня все сжималось от волнения, но я знала, я была уверена – мыло сработает. Оно должно было сработать.

Герта переглянулась со служанками. На ее лице было написано сомнение, но и толика любопытства, порожденного моим рассказом о «вещем сне». Она вздохнула, словно делая мне огромное одолжение, взяла из корзины с грязным бельем кухонное полотенце, перепачканное чем-то бурым, и подошла к тазу с чистой водой.

– Ну, показывайте свое видение, миледи, – проворчала она.

Я взяла полотенце, намочила его, а затем провела по ткани мыльным бруском. И случилось маленькое чудо, привычное для моего мира и совершенно невероятное для этого.

На ткани, под моими пальцами, впервые в жизни этих женщин, начала взбиваться густая белая пена.

На моих глазах происходила магия. Густая белая пена, рожденная от соприкосновения уродливого серого бруска с мокрой тканью, пожирала грязь. Бурое пятно на кухонном полотенце, вьевшееся, казалось, навечно, начало светлеть, распадаться, исчезать. Я потерла еще немного, и под моими пальцами проступила первозданная белизна льна.

Я ополоснула полотенце в чистой воде и протянула его Герте.

Молчание в прачечной стало таким плотным, что его можно было потрогать. Две молодые служанки смотрели то на ослепительно чистое полотенце, то на меня, раскрыв рты. Герта медленно взяла ткань. Она повертела ее в руках, поднесла к свету, словно не веря своим глазам.

– Великие Светлые... – выдохнула одна из девушек.

И тут плотину прорвало.

– Дайте! Дайте сюда! – вторая девушка выхватила у меня из рук тряпицу с оставшимися брусками.

В следующее мгновение прачечная превратилась в бурлящий котел. Служанки, забыв про свой скепсис, с восторженными криками бросились к тазам. Они терли простыни и рубашки моими неказистыми брусками с таким рвением, слов-

но это были драгоценные камни. Вода в тазах мгновенно становилась серой от грязи, а белье на их глазах приобретало сияющую, почти невозможную белизну.

– Ты посмотри, Агнес, посмотри! – кричала одна, вытаскивая из воды простыню. – Она же как новый снег!

– Теперь-то уж никто не упрекнет нас за серость белья! – с облегчением и гордостью заявила вторая, а затем весело взглянула на старшую служанку. – Так ведь, Герта?

Герта, которая все еще с изумлением разглядывала отстиранное полотенце, лишь коротко хмыкнула, но в уголках ее губ, как мне показалось, промелькнула тень улыбки.

– А гости-то как ахнут, когда увидят такое белье на своих кроватях! – подхватила первая девушка, не дождавшись ответа.

Я стояла посреди этого радостного хаоса, и на моем лице, я уверена, была глупая, счастливая улыбка. План работал. Мое примитивное мыло производило фурор.

– Гости? – спросила я, повернувшись к Герте, которая все еще с изумлением разглядывала отстиранное полотенце. – Какие гости?

– Так через три дня друзья милорда съезжаются, – ответила она, не отрывая взгляда от ткани. – Барон Эштон и лорд Кассиан со своей леди. Давно их не было. Двое из них – знатные драконы, почти такая же древняя кровь, как у нашего лорда.

Слово «драконы» прозвучало так обыденно, так просто,

что мой мозг не сразу его обработал. Оно зацепилось за сознание, как репей. Я несколько раз хлопнула ресницами.

– Драконы? – переспросила я, и мой голос прозвучал глухо.

Герта наконец оторвалась от полотенца и вскинула на меня бровь, ее лицо снова стало строгим и настороженным. – Ну да, драконы. А кто же еще?

В голове что-то щелкнуло. Воспитательный дом Драконьего Утеса. Слова Дамиана. Я помнила их. Но я была уверена... я думала, это просто красивое, грозное название. Как Орлиное Гнездо или Львиный Прайд в моем мире. Просто метафора. Образ. Не... не буквально.

Мир качнулся. Веселые крики прачек отдалились, превратившись в неразборчивый гул.

Герта заметила перемену в моем лице. Она решительно шагнула ко мне, крепко взяла за руку повыше локтя и отвела в сторону, подальше от чужих ушей. Ее пальцы сжимали мою руку почти до боли.

Она заглянула мне прямо в глаза, и в ее взгляде был неподдельный, суеверный ужас.

– Леди Кристен... – прошептала она так тихо, что я едва расслышала. – Вы что, и этого не помните? Неужели вы забыли, что ваш муж, лорд Арден – дракон? И что ребенок, которого вы носите... тоже будет драконом?

Я смотрела на Герту, а видела перед собой бездну. Слова, произнесенные ею шепотом, гулким эхом отдавались в моей

голове, разрушая хрупкий мир, который я только-только начала выстраивать. Дракон. Мой муж – дракон. Мой ребенок – дракон.

– Дракон?.. – выдохнула я, и слово показалось на вкус как пепел. – Герта, я... я не понимаю. Это... это ведь просто... слово? Название?

Я вцепилась в ее руку, как утопающий, ища в ее лице опровержение. Но его там не было. Только боль, страх и мрачная, непоколебимая уверенность.

– Тише, миледи, тише, – ее голос стал еще ниже, она при-тянула меня ближе к себе, подальше от веселого плеска воды в прачечной. – Не слово. Кровь. Древняя, как эти горы. Он не всегда... таков. Но он – Лорд из рода Арден. Глава клана Драконьего Утеса. В жилах каждого из них течет огонь.

Она говорила, а перед моими глазами стоял он. Огромный. Несоразмерно большой. Глыба, перекрывающая собой свет. Я списывала это на его статью, на телосложение, но теперь... теперь эта картина приобрела новый, чудовищный смысл. Огонь в жилах. Я вспомнила его ярость во вспышке чужой памяти. Горячий. Злой. Ненасытный.

Мой взгляд невольно метнулся к собственному животу.

– Но... ребенок... – пролепетала я, горло перехватило спазмом.

Лицо Герты исказилось от жалости.

– Ребенок от дракона – всегда дракон. Это его право и его проклятие. И лорд Арден никогда не откажется от того, что

принадлежит ему по праву крови.

Теперь угроза Дамиана обрела плоть. Он заберет своего сына не просто из прихоти. Он заберет его, потому что считает своим по какому-то древнему, чудовищному праву. И мой ребенок, мой мальчик, обречен нести в себе это проклятие.

– Миледи! Герта! – донесся до нас веселый крик одной из прачек. – Идите скорее сюда! Смотрите, что мы отстирали!

Герта резко отпустила мою руку.

– Вам нужно вернуться в свои покои, – твердо сказала она, уже снова надевая маску суровой старшей служанки. – Вы бледны как полотно. Я пришлю вам настойку.

Герта уже развернулась, чтобы увести меня, но было поздно.

Агнес, та самая молодая служанка, что первой пришла в восторг, подбежала к нам, сияя от гордости. В руках она держала белоснежную мужскую рубашку, и вода с нее капала на каменный пол.

– Миледи, смотрите! Рубашка самого милорда! – выпалила она. – Помните, на манжете было пятно от вина с ужина? Я терла его песком битый час, думала, вещь испорчена!

Она поднесла манжету почти к моему лицу. Сложное кружево, которое, я была уверена, обычно после стирки приобретало сероватый или желтый оттенок, сияло такой чистой, первозданной белизной, словно его только что соткали из утреннего тумана. От винного пятна не осталось и следа.

– Ни единой ниточки не повредило, – с благоговением добавила вторая девушка, подходя ближе. – Просто чудо какое-то.

Они обе смотрели на меня как на святую, сошедшую с небес и сотворившую это маленькое бытовое волшебство. А я смотрела на ослепительно белый манжет рубашки мужчины-дракона и не чувствовала ничего. Ни радости, ни гордости за свой успех. Только оглушающую пустоту.

Дракон. Огонь в жилах. А они радуются белой рубашке.

Мир сузился до одной этой мысли, вытеснив все остальное.

– Отличная работа, Агнес, – властно прозвучал голос Герты, возвращая меня в реальность. Она встала между мной и восторженными служанками, мягко, но настойчиво отстраняя их. – Отличная. А теперь дайте дорогу. Миледи нездорова.

Она взяла меня под руку, и ее хватка была твердой и поддерживающей. Я позволила увести себя, не в силах сопротивляться. Мои ноги двигались сами по себе, неся меня прочь из жаркой, пахнувшей чистотой прачечной, где только что родилась и умерла моя надежда.

За спиной еще слышались возбужденные голоса служанок, но они становились все тише, пока не потонули в гулкой тишине каменных коридоров. Мы шли молча. Я смотрела на игру света и тени на стенах и понимала, что только что вся моя жизнь, все мои планы разделились на «до» и «после».

До этого дня я боролась с жестоким человеком. После – я должна была бежать от монстра.

Страх – плохой советчик. Он парализует, заставляет опускать руки. Но когда на кону стоит жизнь твоего ребенка, страх может стать топливом. Откровение Герты не сломило меня. Оно заставило трезво оценить масштаб катастрофы. Мой враг был не просто человеком. Значит, и мои методы борьбы должны были выйти за рамки обыденного.

План оставался прежним, но его масштаб должен был измениться. Мне нужно было больше ресурсов, больше продукта, а значит – больше исходных материалов. С этой мыслью я снова направилась на кухню, на этот раз с простой и понятной целью: попросить у повара еще животного жира для следующей, более крупной партии хозяйственного мыла.

Повар встретил меня уже как старую знакомую, с уважением и толикой любопытства. Пока он ходил в кладовую за жиром, я осталась одна посреди кухни. Мой взгляд скользил по полкам, по медной посуде, по связкам сушеных трав. И тут я его увидела.

На отдельном деревянном подносе, в стороне от остальной провизии, лежал брусок жира, совершенно не похожего на тот, что я использовала. Он не был желтоватым и мутным. Он был почти прозрачным, с молочно-белым оттенком, словно застывшее кокосовое масло из моего прошлого мира. Свет из окна падал на него, и жир, казалось, светился изнутри.

Я подошла ближе и осторожно коснулась его поверхности кончиком пальца. На ощупь он был удивительным: гладкий, прохладный и твердый, но при этом не жирный, а скорее восковой. Я поднесла палец к лицу. Легкий, едва уловимый аромат щекотнул ноздри. Он был тонким, чистым, немного сладковатым и совершенно мне незнакомым. В нем не было ничего от земных растений, которые я знала.

– А это... что? – спросила я вернувшегося повара, кивнув на брусок.

Он проследил за моим взглядом и хмыкнул. – А, это масло инеевых ягод, миледи. Редкая штука. Растут высоко в горах, у самых ледников. Сбирать его – целое дело. У него запаха почти нет, поэтому мы добавляем его в кремы для тортов для знатных гостей.

Я слушала его, а в голове уже рождался вихрь идей. Незвестное мне растение. Уникальный ресурс этого мира. Я пришла сюда с мыслью воссоздать то, что знала. Но что, если я могу создать нечто совершенно новое? Использовать то, чего не было в моей прошлой жизни?

– Оно... полезное? – спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал от волнения.

– Знахари говорят, что раны заживляет и кожу мягкой делает, как у младенца, – пожал плечами повар, протягивая мне сверток с животным жиром. – Но кто ж его на такое переводить будет? Слишком оно дорогое.

Я взяла сверток, но не отводила взгляда от полупрозрач-

ного бруска. Вселенная только что дала мне в руки козырь. Возможно, самый главный.

– Могу я... – я запнулась, подбирая слова. – Могу я взять совсем маленький кусочек?

Повар без колебаний отрезал хороший кусок и аккуратно завернул ее в чистую ткань.

Я уходила с кухни, держа в руках два свертка. В одном был мой вчерашний день – проверенный, надежный, но простой. В другом – мое будущее. Неизвестное, рискованное, но полное невероятных возможностей. Этот мир был готов делиться своими секретами. И я была готова их использовать.

Мой мозг лихорадочно работал, выстраивая цепочки действий: очистка нового масла, расчет пропорций, получение эфирных масел из трав, которые я видела в саду. Впервые после страшного открытия о природе этого мира я чувствовала не отчаяние, а азарт. Ставки выросли до небес, и это придавало сил.

Я была так поглощена своими мыслями, что едва не столкнулась с ней в большом холле, ведущем к парадной лестнице.

– Кристен!

Я вздрогнула и подняла голову. Передо мной стояла Лея, как всегда сияющая, одетая в легкое платье цвета васильков. Она выглядела свежей и отдохнувшей, и от этого контраст с моим внутренним лихорадочным состоянием стал еще более разительным. Я инстинктивно прижала свертки к себе.

– Лея, – я постаралась, чтобы мой голос звучал ровно. –

Я... я как раз шла к себе.

– Я вижу, – ее взгляд скользнул по моим рукам, но она не стала спрашивать, что в свертках. Вместо этого она с укоризной надула губки, и ее ясные голубые глаза посмотрели на меня с обидой. – Я искала тебя все утро. Герта сказала, что ты ушла на кухню. Я уж думала, ты совсем про меня забыла.

Она сделала шаг ближе, и ее улыбка стала чуть натянутой, а в голосе прозвучали нотки капризного упрека.

– Чем же ты таким важным занимаешься целыми днями, сестренка, что на меня у тебя не находится ни минутки?

Буду благодарна за поддержку книги лайком. А еще интересно ваше мнение по поводу происходящего ##

Всех мур ##

Упрек в голосе Леи был почти детским, искренним в своей обиде. Искренность на ее лице была почти осязаемой. Любой другой на моем месте, возможно, испытал бы укол совести, но во мне не было места для подобных чувств. Та Маша, что могла бы чувствовать вину, умерла вместе со своим сыном. Лея была лишь еще одной переменной в уравнении моего выживания, фигурой на доске, которую нужно было аккуратно обойти.

– Прости, – мой голос прозвучал ровно, без тени эмоций. – Я не забыла о тебе. Просто... – Я подняла свертки. – Нашла себе занятие в саду, оно меня отвлекает. Повар решил взять кое-что с кухни для этого.

Мое объяснение, лишенное эмоциональной окраски, сработало даже лучше. Лея тут же списала мою отстраненность на последствия болезни и мою новую «причуду». Ее лицо просияло.

– Ах, так это для твоего чуда! Герта говорит, ты сотворила настоящее волшебство в прачечной. Все только об этом и говорят! Конечно, иди, сестренка! Я так рада, что ты нашла то, что приносит тебе утешение!

Она подхватила меня под руку и проводила до самой двери, ведущей в сад. Я лишь кивала, мысленно уже находясь в своей мастерской.

Сарай встретил меня привычным запахом пыли – запахом свободы. Оставив свертки с жиром для следующей партии мыла, я сосредоточилась на главной цели. Самогонный аппарат. Я провела рукой по его холодному медному боку. Котел, шлем, трубка-«лебединая шея», змеевик в бочке-охладителе. Принцип был прост, и на практике оказалось не сложнее.

Я натаскала свежей воды из колодца, наполнив и котел, и бочку-охладитель. Затем вышла в сад, где в дальнем углу дико разрослась лаванда. Я безжалостно рвала лиловые соцветия, пока не набрала полную охапку.

Вернувшись, я плотно утрамбовала душистую массу в котел, залила водой и закрыла тяжелым медным шлемом. Разведя огонь в печи, я придвинула аппарат ближе к жару.

И началось ожидание. Я сидела на старом ящике, слушая, как потрескивают дрова и начинает недовольно урчать вода в котле. Через полчаса, показавшихся мне вечностью, из трубки, выходящей из охладителя, упала первая капля. За ней вторая, третья, и вскоре в подставленную глиняную миску полилась тонкая струйка мутноватой, теплой жидкости. Поверхность воды покрывала тончайшая, радужная пленка. Эфирное масло.

Когда процесс завершился, я не заметила, как день перетек в вечер. Полосы света, пробивающиеся сквозь щели в стенах, окрасились в оранжевые и багровые тона. Масла было ничтожно мало, но его аромат был невероятно концентрированным. Это была душа цветка, заключенная в крошеч-

ную каплю. Я осторожно собрала драгоценную жидкость в маленький пузырек, который прихватила из комнаты Кристен.

Я держала его на ладони, и сердце впервые за долгое время стучало не от страха, а от гордости. Это было мое собственное, маленькое чудо, рожденное из огня, воды и отчаяния.

Увлеченная своим триумфом, я не сразу услышала, как скрипнула дверь. Наверное, Герта пришла поторопить меня к ужину. Я улыбнулась своим мыслям и, не оборачиваясь, сказала:

– Смотри, Герта, у меня получилось!

Ответом мне была тишина. Тяжелая, давящая тишина, от которой по спине пробежал холодок. Я медленно обернулась.

В дверном проеме выросла темная фигура, полностью перекрывая собой багровый диск закатного солнца. Это был Дамиан.

Я инстинктивно сжала в руке маленький пузырек с лавандовым маслом. Единственное, что я создала в этом мире сама, казалось ничтожной защитой против мужчины, что стоял передо мной.

Он шагнул внутрь, и запах пыли и трав смешался с его собственным – озоном после грозы и холодной сталью.

– Ты слишком увлеклась, – его голос был тихим, но от этого еще более весомым. Он не смотрел на аппарат или на

мои перепачканные руки. Он смотрел на меня. – Герта сказала, ты пропустила вечерний прием настойки.

Из-за спины он достал знакомый маленький флакон из темного стекла.

Напряжение, висевшее в воздухе, стало почти невыносимым. Воспоминание о том, что сделала со мной эта жидкость в прошлый раз в его присутствии, было слишком свежим, слишком унижительным. Я не хотела снова переживать этот чужой, постыдный опыт.

– Я выпью ее позже. В доме, – мой голос прозвучал на удивление твердо.

Уголок его рта едва заметно дрогнул в усмешке.

– Ты выпьешь ее сейчас.

Он сделал еще один шаг, и я отступила, пока спиной не уперлась в теплый камень печи. Отступить было некуда. Он протянул мне флакон. Спорить с ним было все равно что пытаться сдвинуть стену. Его решение было таким же твердым и окончательным. Дрожащей рукой я взяла флакон, откупорила его и залпом выпила горькую, терпкую жидкость.

И мир снова раскололся.

Запах пыли и страха сменился ароматом роз и жимолости. Вместо сумрака сарая глаза залил яркий полуденный свет. Я стояла в роскошном саду, который не был похож на запущенный сад этого дома. Рядом со мной, так близко, что я чувствовала тепло его плеча, стоял Дамиан.

Но это был другой Дамиан.

На нем не было темной, строгой одежды. Светлая рубашка, расстегнутая у ворота, подчеркивала загар на шее. Волосы, выгоревшие на солнце, казались мягче. Но главное – его лицо. Он улыбался. Не кривой усмешкой, не холодным оскалом. Настоящей, открытой улыбкой, от которой в уголках его глаз собирались морщинки. От этой улыбки сердце в груди Кристен – и я чувствовала это, как свое, – забилось часто-часто, как пойманная птица.

– ...и тогда старый барон Эштон заявил, что его дракон съел все пирожные с кремом, – говорил он, и в его голосе звучали смеющиеся нотки. – Пришлось делать вид, что мы ему поверили.

Он говорил о каких-то пустяках, но Кристен слушала не слова. Она тонула в его голосе, в тепле его взгляда. Это был тот же мужчина, что яростно брал ее в другом воспоминании и одновременно совершенно другой. Где были холод и ледяное презрение? В этих глазах, цвета темного шоколада на солнце, была только нежность. Чистая, почти благоговейная нежность.

Он замолчал и повернулся ко мне. Его улыбка стала мягче, интимнее. Он медленно поднял руку и коснулся моей щеки тыльной стороной пальцев. Его прикосновение было легким, почти невесомым. Не было ни грубости, ни силы – лишь ласка, от которой по телу прошла теплая дрожь и которую хотелось ощущать вечно.

– Мне нужно будет уехать, – тихо сказал он, и его взгляд

стал серьезным. — Дела клана. Всего на месяц. Но когда я вернусь, — он на мгновение замолчал, заглядывая мне в самую душу, — я хочу, чтобы мы начали готовиться к свадьбе.

Счастье, которое в этот момент испытала Кристен, было таким всепоглощающим, что у меня перехватило дыхание. Она любила его. Безоглядно. Отчаянно. И это было взаимно.

Картинка померкла так же резко, как и появилась.

Я снова стояла в темном, холодном сарае, прижавшись спиной к печи. Передо мной был тот же мужчина. Но его глаза были пусты, как полярная ночь. На его лице застыла маска холодного, бесстрастного наблюдателя. Айсберг.

Он видел все. Видел, как изменилось мое лицо, как на секунду смягчился взгляд. Он дождался, пока я сфокусирую на нем взгляд, и только потом нарушил тишину. Его голос был ровным и безжалостным, как скальпель хирурга, вскрывающий старую рану.

— Как много ты вспомнила?

21-22

Вопрос повис в наэлектризованном воздухе сарая. Рассказывать ему об этом воспоминании, о его нежности и улыбке, было немислимо. Этот светлый образ принадлежал той, другой Кристен, и делиться им с холодным, жестоким мужчиной передо мной я не собиралась. Это было не его дело.

– Голова гудит... – я прижала пальцы к вискам, изображая приступ боли. – Образы... они мутные, как вода в пруду. Ничего ясного.

Он нахмурился, его лицо стало еще более резким и неприступным в гаснущем свете.

– Мне не нравится, как ты изменилась после того случая в саду. Ты стала... другой.

В его голосе прозвучало неприкрытое раздражение. И это вызвало во мне ответную, холодную ярость.

– Я не помню, какой я была до него, – ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Мы молчали, и тишину нарушало лишь тихое потрескивание остывающих углей в печи. Воздух между нами, казалось, накалился, стал плотным и звенящим, как натянутая струна. Я не отводила взгляда, вцепившись в него, как в единственную опору в этом противостоянии. И в этой звенящей тишине в моей голове промелькнула до смешного неуместная мысль: какой же он все-таки красивый. Жестокой, хищной,

неправильной красотой.

Он дернул уголком рта и первым разорвал зрительный контакт, отведя взгляд в сторону. Крошечная, почти незаметная победа, от которой по моим венам разлилось обжигающее тепло.

– Не задерживайся. Возвращайся в дом, – бросил он, не глядя на меня, и вышел, снова погрузив сарай в полумрак.

Как только его шаги затихли, я выдохнула с таким облегчением, что ноги подогнулись. Я прислонилась к холодной стене, давая сердцу успокоиться. Опасность миновала. На время.

Собравшись с силами, я быстро привела свою тайную мастерскую в порядок. Потушила угли, вымыла посуду, приготовила на завтра все для варки мыла из того самого, удивительного жира инеевых ягод. Работа успокаивала. Она была настоящей, понятной, в отличие от мира полный лжи и недоумков, в который я попала.

Я вернулась в дом, когда уже совсем стемнело. Проскользнув через заднюю дверь, я столкнулась с Леей, которая, казалось, ждала меня в тускло освещенном коридоре. Ее лицо выражало искреннее беспокойство.

– Кристен! Я видела, как лорд Арден шел от сарая. Что случилось? Зачем он к тебе приходил?

Вопрос Леи был полон искреннего беспокойства, но я смотрела на ее ангельское лицо и впервые видела не свет, а тьму. В голове всплыли слова Герты, сказанные у моей по-

стели в один из первых дней: «я устала смотреть, как она вас губит». Тогда я подумала про яд, про интриги.

Но что, если все было одновременно и проще, и гаже? Что, если она спит с ним? С мужем собственной сестры? Тогда это объясняет ее присутствие в доме Дамиана.

Насколько же подлой нужно быть, чтобы провернуть такое, а потом смотреть на меня этими невинными голубыми глазами? Если она притворяется, то делает это гениально.

– Мой *муж*... – я специально выделила это слово, вложив в него всю иронию, на которую была способна, – принес мне настойку. Я забыла ее выпить.

У Леи от удивления округлились глаза, она даже приоткрыла рот. Реакция была слишком бурной для такой пустяковой новости.

– Дамиан? – переспросила она таким тоном, будто я сказала, что ко мне с визитом прилетел дракон с соседней горы. – Сам? Пришел в сарай, чтобы отдать тебе настойку?

Я молча кивнула, наблюдая за ней.

– Ну да. А почему тебя это так удивляет?

Она тут же смутилась, отвела взгляд и начала теревить край своего платья. Она явно не знала, что ответить, и эта заминка была очень красноречивой.

– Просто... – она наконец подняла на меня виноватый взгляд, в котором плескалось сочувствие. – Он же так тебя ненавидит, Кристен. Я просто не ожидала от него... такой заботы.

Значит, правда ненавидит. Лея произнесла это так обыденно, что у меня всё внутри похолодело. Получается, я всё правильно чувствовала. Каждый его взгляд, каждое слово. Но одно дело – догадываться, и совсем другое – услышать это от неё.

Контраст между этой страшной фразой и воспоминанием о нежной улыбке Дамиана в саду был настолько чудовищным, что в голове на миг все помутилось.

– Ненавидит? – переспросила я хрипло. – За что, Лея? Что я сделала?

Она посмотрела на меня с такой безграничной жалостью, что мне стало не по себе. Она оглянулась по сторонам, словно боясь, что нас могут подслушать, и шагнула еще ближе.

– Мне так жаль, что ты ничего не помнишь... – Она говорила тихо, почти срываясь. – Все началось примерно за месяц до вашей свадьбы. Тогда Дамиан еще не был лордом Арденем. Он был просто Дамианом. Да, из древнего и сильного рода, но без титула, без замка и богатств. Наш отец был против вашего союза, он считал его бесперспективным.

Я молча слушала, и ледяной ужас сковывал мое сердце.

– И когда Дамиан уехал по делам клана, пообещав вернуться и все уладить, отец нашел для тебя другую партию. Барона Гривуса. Старого, но очень влиятельного и богатого. И ты... ты согласилась. Ты написала Дамиану письмо, в котором разрывала все отношения. Ты написала, что не можешь ждать вечно и хочешь другой жизни.

Так вот оно что. Не страсть. Не измена. А холодный, безжалостный расчет. Предательство было не в том, что она отдала другому свое тело. Она продала их любовь за титул.

– А через месяц Дамиан вернулся, – голос Леи дрожал от сдерживаемых слез. – Но уже не просто Дамианом, а лордом Арденом, главой Драконьего Утеса. Оказалось, в той поездке погиб его дядя, и он унаследовал все. Он прискакал к нам, чтобы забрать тебя, но узнал, что ты уже обручена с бароном.

Лея умолкла, переводя дыхание.

– Никто не знает, что он сделал. Но помолвка была расторгнута в тот же день. А барон Гривус поспешно уехал в свои северные земли и больше никогда не появлялся при дворе. А Дамиан... он взял тебя в жены.

Она закончила, и в коридоре повисла мертвая тишина. Так вот что я видела в его глазах. Не просто ненависть. А бесконечное, ледяное презрение к женщине, которая его предала.

Я сделала глубокий вдох, выдохнула и подняла глаза на Лею.

– А что здесь делаешь ты, сестрица?

Вопрос был не праздным. Она не замужем, почему она живет здесь, в доме мужа своей сестры, а не в нашем родительском доме?

Лея густо покраснела, ее щеки залил такой яркий румянец, что он был виден даже в тусклом свете коридора.

– Кристен, что за вопросы... – пролепетала она, отводя

взгляд. – Отец решил, что тебе нужна поддержка после... всего. Я здесь, чтобы заботиться о тебе.

Она явно уходила от ответа, и я уже собиралась надавить, когда внезапная, острая боль пронзила мой висок, заставив зажмуриться. Мир качнулся, и тусклый коридор сменился ярким светом.

Воспоминание.

Яркий солнечный день. Я стою на верхней площадке широкой лестницы, одетая в легкое летнее платье. В моих планах – спуститься и погулять в саду. Внизу, в холле, залитом светом, стоят двое: Лея и Дамиан. Тот самый Дамиан из хорошего воспоминания – молодой, улыбчивый, еще не отягощенный титулом и ненавистью. Он что-то с улыбкой рассказывает Лее, а та смотрит на него снизу вверх, и ее щеки пылают. Она смотрит на него, как влюбленная дурочка.

Волна иррационального, жгучего раздражения поднимается во мне. Ревность. Глупая, ядовитая ревность к собственной сестре. Я отшатываюсь от перил, прижимаясь к стене, чтобы они меня не заметили. Зачем я это сделала? Сердце стучит, как сумасшедшее, мешая разобрать слова. Я заставляю себя успокоиться и прислушиваюсь.

– Право слово, Дамиан, вы иногда говорите такие вещи...
– Голос Леи звучит непривычно манерно, чуть выше, чем обычно. – Вы заставляете меня краснеть.

Дамиан тихо смеется. Его смех – теплый и искренний.

– Перестань, Лея. У тебя неплохо получается, но это за-

бавно, когда ты пытаешься говорить, как она.

Голос Леи тут же теряет всю свою игривость. В нем слышится неприкрытое разочарование.

– Я просто хотела посмотреть, заметишь ли ты.

Дамиан на мгновение замолкает, и его тон становится серьезнее, но все еще остается мягким.

– Я всегда замечу. Будь передо мной хоть тысяча таких же девушек, я всегда буду знать, где Кристен. Я дракон, Лея, – он делает короткую паузу, а затем спрашивает громче: – Да, дорогая?

Мое сердце екает, но на губах тут же растягивается улыбка. Я подхожу к перилам и смотрю вниз. Дамиан насмешливо, улыбается, но в его глазах нежность, а вот Лея смотрит на меня с обидой. Я замечаю, как она поджимает губы, но затем берет себя в руки и широко улыбается.

– Сестренка!

Воспоминание тает, как дым.

Я все еще стою в коридоре, прижавшись к холодной стене. Головная боль прошла. Лея смотрит на меня с тревогой, готовая подхватить, если я начну падать.

Не то, чтобы мне есть до этого дело, но я должна знать, с кем вынуждена общаться. Поэтому задаю вопрос в лоб:

– Ты спишь с ним?

Прямой вопрос ударил в тишину коридора, как брошенный камень в неподвижную гладь воды.

Лицо Леи исказилось. Она ахнула, прикрыв рот ладонью,

ее огромные голубые глаза наполнились слезами. Щеки залил густой, почти лихорадочный румянец. Она сделала шаг назад, прижавшись к стене, словно я ее ударила. Картина отчаяния и стыда была безупречной.

– Кристен... как... как ты можешь? – прошептала она, и ее голос дрожал. – Он был так одинок, так разбит после твоего предательства... а я... я просто хотела его утешить...

Она говорила, и слезы катились по ее щекам, но что-то в этой сцене было не так. В своей прошлой жизни я видела достаточно лжи, чтобы отличить настоящее горе от дешевого спектакля. В ее позе не было настоящего унижения. В ее широко распахнутых, полных слез глазах не было раскаяния.

Там было торжество.

Плохо скрытое, хищное торжество женщины, которая наконец-то может признаться в своей победе, прикрываясь маской жертвы. Ей было не стыдно. Ей нравилось. Нравилось рассказывать мне это, видеть мою реакцию, упиваться своей ролью утешительницы, подобравшей то, что Кристен «выбросила».

– Я люблю его, Кристен, – выдохнула она, и это, пожалуй, было единственной правдой в ее речи. – Я любила его всегда. А ты растоптала его, променяла на... Я просто... подобрала осколки.

Она ждала моей реакции. Ждала криков, обвинений, истерики – всего того, чего можно было ожидать от обманутой сестры. Но я смотрела на нее и не чувствовала ничего, кроме

ледяного, отстраненного любопытства. Передо мной был не ангел. И даже не змей-искуситель. Передо мной был мелкий, хищный зверек, который слишком долго притворялся кем-то другим.

Я медленно кивнула, принимая ее слова к сведению.

– Понятно.

Мой спокойный тон, кажется, ошеломил ее больше, чем любой крик. Слезы на ее щеках замерли.

– И это... это все? – недоверчиво спросила она. – Ты не будешь кричать?

Я посмотрела на нее так, будто она была пылинкой на моем платье.

– Разве, я не знала о том, что ты спишь с моим мужем до того как потеряла память? – я не сдержала усмешку. – У меня нет времени на пустые истерики.

Я развернулась и спокойно пошла по коридору в свою комнату, оставив ее стоять в одиночестве, с растерянным выражением на ее красивом, лживом лице.

Мои хорошие, а у меня в рамках литмоба вышла еще одна новинка ##

<https://litnet.com/shrt/9Vg9>

Я была дизайнером, создающим роскошные наряды, а очнулась в чужом теле, в чужом мире и в браке с ледяным лордом, который ненавидит меня так сильно, что готов сослать на край света. Не сумев избавиться от меня по закону, он отправляет меня в изгнание в уединенное поместье, не

подозревая о двух вещах. Первая – я ношу под сердцем его наследника. Вторая – я не та слабая леди, которую он презирает. Раз уж он оставил меня ни с чем, я снова построю свою империю с нуля, стежок за стежком, и докажу, что даже в глуши можно создать бизнес, который заставит считаться с собой весь мир.

Но что от меня нужно мужу? Что значит, я стала истинной женой и должна вернуться? Я этого не планировала! У меня, между прочим, много заказов, и дела мне нет до того, что тебе там по праву принадлежит!

23-24

Я дошла до своей комнаты и закрыла за собой дверь. Внутри не было ни гнева, ни обиды, потому что их могла испытывать Кристен, а мне не было дела до этих двоих. Во мне была только холодная, звенящая пустота и абсолютная ясность. В этом доме у меня нет друзей. Лея – враг. Дамиан – мой тюремщик. Рассчитывать я могла только на себя.

Я даже спала с внутренним ощущением отстраненного умиротворения. Просто потому, что мне хоть немного стала ясна ситуация, в которой я оказалась. Но я для себя поняла, что мне нужен только ребенок, у которого отец тиран и тетя подлая лиса, а настоящей матери и вовсе больше нет.

Утром я ушла в свою мастерскую. Весь день я была поглощена работой. Я создавала свое лучшее мыло из драгоценного жира инеевых ягод и лавандового масла, используя «горячий» способ, чтобы оно было готово как можно быстрее. Работа успокаивала и давала ощущение контроля.

Ближе к вечеру, когда я как раз извлекла из плошек гладкие, кремово-белые бруски и заворачивала их в ткань, в сарай заглянула Герта.

– Миледи, вам пора готовиться. Гости придут к ужину. Лорд велел, чтобы вы их встречали вместе с ним.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Встречать гостей? Я? В моей голове не было ни одного воспоминания об этих людях, ни

малейшего понятия, как себя вести. Но приказ лорда – это приказ.

– Хорошо, Герта, – я постаралась, чтобы мой голос звучал спокойно. Я протянула ей сверток с мылом. – Перед их приходом проследи, чтобы по одному этому куску положили в комнаты гостей. В качестве приветственного подарка от хозяйки дома.

Герта молча взяла сверток. Ее лицо, как всегда, было непроницаемым, но в глазах мелькнуло удивление.

Вернувшись в свои покои, я застала там Лею. Она уже разложила на кровати роскошное темно-синее платье.

– Я помогу тебе собраться! – прошептала она с улыбкой. – Ты должна выглядеть безупречно. Леди Кассиан такая модница.

Мне пришлось вытерпеть ее помощь. Ее пальцы затягивали шнуровку на моем платье, поправляли волосы, и от этих прикосновений по коже бежали мурашки. Она одевала меня для мужчины, которого считала своим.

Когда все было готово, я посмотрела на себя в зеркало. Из отражения на меня смотрела незнакомая аристократка с холодным, отстраненным лицом. Леди Арден.

– Ты готова, – с удовлетворением в голосе произнесла Лея, отступая на шаг. – Пойдем. Нельзя заставлять гостей ждать.

Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и пошла к двери.

Каждый шаг по широкой мраморной лестнице был выве-

рен. Я несла себя, как драгоценный сосуд, пустой внутри. Лея шла чуть позади, ее шелковое платье тихо шуршало. Внизу, в холле, меня уже ждали. Трое гостей и мой муж.

Дамиан стоял в центре, и я сразу поймала на себе его взгляд. Он не отрываясь смотрел, как я спускаюсь. В его темных глазах не было ни тепла, ни привычной ненависти. Лишь тяжелое, пристальное внимание, от которого по коже пробежал холодок. Что он думал в этот момент? Мне было все равно. Моей единственной задачей было доиграть эту роль до конца.

Я спустилась и изобразила на лице легкую, приветливую улыбку.

– Барон Эштон, лорд Кассиан, леди Кассиан. Добро пожаловать в наш дом.

– Леди Арден! – тут же шагнул ко мне тучный, громкоголосый мужчина с седеющими висками. Это, очевидно, был барон Эштон. – Вы как всегда прекрасны! Кажется, время над вами не властно!

Он взял мою руку и картинно приложился к ней губами.

– Рад видеть вас в добром здравии, леди Кристен, – произнес второй мужчина, более молодой и сдержанный. Его взгляд был острым и изучающим. – Мы наслышаны о вашем недуге.

– Пустяки, лорд Кассиан, – ответила я ровно. – Благодарю за беспокойство, но все уже позади.

– А вот и вторая наша красавица! – снова вклинился ба-

рон, поворачиваясь к Лее, которая скромно стояла рядом. – Леди Лея, вы подобны весеннему цветку!

Лея смущенно улыбнулась, ее щеки тронул легкий румянец.

– Дамиан, твоя жена сегодня необычайно... сдержанна, – произнесла леди Кассиан, тонкая, элегантная женщина с пронзительными глазами. Она обращалась к Дамиану, но смотрела на меня.

Мой муж даже не повернул головы в ее сторону. Его взгляд по-прежнему был прикован ко мне.

– У леди Арден были утомительные дни, – ровным голосом ответил он.

– Что ж, надеюсь, наш приезд вас не слишком утомит, – улыбнулась леди Кассиан, но улыбка не коснулась ее глаз. – Напротив, мы надеялись развлечь вас.

– Уверен, так и будет, – сказал Дамиан, наконец-то отрывая от меня взгляд и обращаясь ко всем. – Прошу вас в столовую. Ужин готов.

Мы проследовали в столовую, а леди Кассиан отлучилась помыть руки.

Длинный стол из темного дерева был сервирован с холодной, безупречной точностью. Дамиан занял место во главе стола. Мне, как хозяйке, предстояло сесть на противоположном конце. Расстояние между нами казалось огромным. Гости и Лея расселись по бокам.

Слуги бесшумно разносили блюда, и некоторое время

разговор тек лениво и предсказуемо: придворные сплетни, погода, охота. Я молчала, лишь изредка изображая улыбку, и старалась есть как можно медленнее, чтобы занять руки.

Вскоре вернулась и леди Кассиан, чему-то загадочно улыбаясь. Она слушала беседу и время от времени смотрела на меня.

– Леди Арден, я непременно должна спросить, – нарушила тишину леди Кассиан, отложив приборы. – В моей комнате я обнаружила совершенно восхитительный брусок для умывания. С нежным ароматом лаванды. Ваша служанка сказала, что это подарок от вас.

Все взгляды тут же обратились ко мне. Я почувствовала, как напряглась Лея, сидящая напротив. Взгляд Дамиана был тяжелым и непроницаемым.

– Это... результат моего недавнего увлечения, – спокойно ответила я, наблюдая как лорд Кассиан целует запястье супруги, а после удивленно смотрит на меня. – Мне приснился рецепт, и я решила попробовать его воссоздать.

Барон Эштон так же потрогал вторую ладонь женщины, а затем поднес к лицу и вдохнул. Вряд ли такое могло считаться приличным, но мы находились, как я поняла, в узком кругу друзей.

– Приснился? – громко рассмеялся барон Эштон. – Клянусь бородой, Дамиан, твоя жена не только красавица, но и пророчица! И должен сказать, пророчество удалось! Кожа после него у Анабэль гладкая, как шелк!

– Это правда, – подтвердила леди Кассиан. – Я бы дорого заплатила за такой продукт. У него есть название?

– Я еще не думала об этом.

– У Кристен много скрытых талантов, – медленно произнес Дамиан, и в его голосе прозвучал лед. Он не смотрел на меня, его взгляд был устремлен на темное вино в его бокале.

За столом на мгновение повисла неловкая тишина.

– Что ж, любой талант можно обратить в пользу, – нарушил ее лорд Кассиан. Он подался вперед, и его острые глаза внимательно изучали меня. – Леди Кристен, если вы способны создавать подобное... вы никогда не думали о том, чтобы продавать это? Уверен, спрос был бы огромен.

Вопрос ударил, как хлыст. Я подняла глаза и встретила взглядом с Дамианом. Он тоже смотрел на меня, и в глубине его глаз я впервые за вечер увидела что-то определенное. Он прищурился, а я увидела в этом прищуре холодный, яростный интерес.

Четыре пары глаз – любопытные, оценивающие, восторженные – были устремлены на меня. Но я смотрела только на своего мужа. В его взгляде звенел гнев, и я поняла, что это ловушка. Любой неверный ответ мог стать для меня фатальным. Сказать «нет» – значит упустить единственную возможность, что у меня появилась. Сказать «да» – значит открыто бросить ему вызов перед его друзьями.

Я выбрала нечто среднее. Вызов, прикрытый скромностью.

– Я не думала об этом, милорд, – медленно произнесла я, обращаясь к Кассиану, но не отводя глаз от Дамиана. – Я ведь даже не знаю, есть ли ценность в подобной безделушке. Это всего лишь мыло.

– Безделушка? – тут же воскликнула Анабэль. – Дорогая моя, вы не понимаете! Ваше «мыло» – это откровение! Я готова платить золотом за каждый брусок! Дамиан, ты должен помочь своей жене наладить производство! Это же золотая жила!

– Золотая жила! – тут же подхватил барон Эштон, ударив кулаком по столу так, что бокалы звякнули. – Клянусь, за год на этом можно заработать состояние! Дамиан, твой род всегда славился хваткой, не упусти такой шанс!

Гости наперебой расхваливали мой продукт, строили планы, подсчитывали возможную прибыль. Лея сидела с каменным лицом, ее губы были сжаты в тонкую нить. А Дамиан молчал. Он просто смотрел на меня, и пока его друзья говорили о золоте, в его глазах разгоралась тихая, ледяная ярость.

Он дождался, пока барон умолкнет, чтобы сделать глоток вина, и только тогда произнес одно-единственное слово.

– Довольно.

Голос был тихим, но в нем было столько угрозы, что за столом мгновенно воцарилась мертвая тишина. Леди Кассиан и барон Эштон смущенно уставились в свои тарелки. Лорд Кассиан сохранял невозмутимость, но его пальцы нервно по-

стукивали по ножке бокала.

Дамиан медленно поставил свой бокал на стол. Звук этот показался оглушительным.

– Моя жена – не торговка, – отчеканил он, глядя прямо на меня. – Ее увлечения не продаются. Этот разговор окончен.

Его слова были как удар хлыста. Публичное унижение. Он не просто отказал. Он указал мне на мое место, напомнив всем присутствующим, что я – всего лишь его вещь, и мои таланты, как и я сама, принадлежат только ему.

Атмосфера за столом стала удушающей. Ужин был безнадежно испорчен. Первой тишину нарушила леди Кассиан, продемонстрировав безупречное самообладание.

– Лорд Арден, я слышала, ваши садовники вырастили в оранжерее совершенно невероятные лунные орхидеи, – произнесла она светским тоном, будто ничего не произошло. – Надеюсь, завтра у меня будет возможность на них взглянуть.

Разговор возобновился, но уже совсем в другом ключе. Он стал поверхностным, вымученным. Гости обсуждали цветы, погоду, политику – любые безопасные темы, чтобы дотянуть до конца ужина.

Я больше не произнесла ни слова. Я ела, пила вино и с холодным спокойствием наблюдала за мужем. Он думал, что унизил меня, что поставил на место. Но он ошибся. Он лишь показал всем, как сильно боится потерять надо мной контроль. Этот страх был его слабым местом. И я собиралась этим воспользоваться.

Как только ужин закончился, я немедленно извинилась, сославшись на усталость, и покинула столовую. Я шла по коридору, когда меня нагнала одна из служанок леди Кассиан.

– Миледи, – тихо прошептала она, поравнявшись со мной. – Моя госпожа просила передать, что будет ждать вас в своих покоях через четверть часа. Она сказала, это очень важно.

Я кивнула, и служанка, поклонившись, растворилась в тени. Четверть часа. Этого было достаточно, чтобы леди Кассиан могла незаметно покинуть компанию и добраться до своей комнаты.

Я дошла до своей спальни, умылась холодной водой, приводя мысли в порядок. Этот вечер становился все интереснее. Ровно через пятнадцать минут я постучала в дверь покоев, отведенных леди Кассиан.

Она ждала меня у окна. Она была одна.

– Простите за эту тайность, леди Арден, – сказала она, когда я вошла и закрыла за собой дверь. – И за бестактность моего мужа за ужином. Мужчины иногда видят лишь деньги, упуская суть.

– Что вы имеете в виду? – спросила я настороженно.

Она подошла ко мне ближе. Ее пронзительные глаза смотрели на меня серьезно, без тени светского кокетства.

– Я имею в виду суть вашего творения. Это не просто товар. Это магия. Я женщина, леди Кристен. И я знаю, чего хотят другие женщины. Они хотят быть красивыми. Хотят

гладкую кожу, нежный аромат. Они хотят чувствовать себя желанными. Ваше мыло дает это ощущение.

Она сделала паузу, внимательно изучая мое лицо.

– Лорд Арден не желает, чтобы вы были торговкой. Я это понимаю. Но никто и не говорит о торговле. Я говорю о частных поставках. Для меня и нескольких моих самых влиятельных друзей. Мы готовы платить. Очень хорошо платить. Втайне от всех, если потребуется. Или своими услугами.

Она протянула мне руку, на которой лежал небольшой, туго набитый кошель из дорогой кожи. Звякнули монеты.

– Это аванс. За первую партию. Так что вы скажете, леди Арден? Вы готовы рискнуть?

Я посмотрела на мешочек с монетами, а затем в пронзительные глаза леди Кассиан. Риск? Вся моя новая жизнь была одним сплошным риском. Еще один не менял ровным счетом ничего.

– Я готова, – мой голос прозвучал ровно и твердо. Я сжала кошель в пальцах. Он был неожиданно тяжелым. Первые деньги. Первый реальный шаг к свободе. – Этого больше, чем я ожидала за первую партию.

– Считайте это инвестицией в наше будущее партнерство, – уголки ее губ тронула легкая улыбка. – Мне понадобится дюжина брусков к нашему отъезду. Он состоится послезавтра.

Два дня. Для меня это не было чем-то сложным, я лишь кивнула.

– Они будут готовы. Но как мне передать их вам, чтобы мой муж не узнал?

– Моя служанка Элиза зайдет к вам завтра вечером, чтобы помочь приготовить ванну. Отдадите сверток ей. Она спрячет его среди моих вещей. Это самый безопасный способ.

План был простым и эффективным. Леди Кассиан все продумала.

– Будьте осторожны, леди Арден, – сказала она, провожая меня до двери. – Ваш муж – могущественный человек. Но даже у самых могущественных драконов есть слепые пятна. Особенно когда дело касается того, что они считают своими незначительными причудами.

Я вернулась в свою комнату и плотно закрыла за собой дверь. Руки слегка дрожали. Я подошла к кровати и развязала кожаный шнурок кошель. На покрывало высыпались золотые монеты, тускло блеснув в свете свечи.

Я взяла одну. Она была тяжелой и холодной. Это был один из ключиков к нашей с малышом свободе.

Ночью я почти не спала. Тяжелый кожаный кошель, спрятанный под подушкой, жег холодом сквозь ткань. Золото. Настоящее, весомое доказательство того, что мой план – не просто отчаянная фантазия. Это была первая ступенька на шаткой лестнице, ведущей из этой клетки. И теперь я должна была карабкаться по ней, не позволяя себе оглядываться назад.

Утром, едва дождавшись, когда дом оживет, я направи-

лась на кухню. Мне нужно было больше сырья. Дюжина брусков для леди Кассиан была только началом.

Повар встретил меня с уважительной улыбкой.

– Доброго утра, миледи. Снова за ингредиентами для ваших чудес?

– Да, – кивнула я, стараясь выглядеть спокойной. – Могу я взять еще немного масла инеевых ягод?

Он махнул рукой в сторону кладовой.

– Миледи, забирайте хоть весь остаток. Мне как раз донесли, что завтра утром прибудет свежая партия из горных деревень. Так что не стесняйтесь.

Это была невероятная удача. Постоянный источник моего самого ценного компонента. Я поблагодарила повара и, получив увесистый сверток, направилась к выходу, ведущему в сад.

Я уже почти дошла до тропинки, ведущей к моему сараю, когда увидела их. Дамиан и Лея стояли у кромки сада. Холодок пробежал по спине. Попадаться им на глаза сейчас, с этим свертком в руках, было бы верхом неосторожности. Я быстро шагнула за густой куст жасмина, чьи ветви надежно скрыли меня от посторонних глаз.

Лея что-то оживленно говорила, ее смех, похожий на звон колокольчиков, разносился в утренней тишине. Она жестикулировала, заглядывала Дамиану в лицо, всячески пытаясь привлечь его внимание. Но он был неподвижен, как статуя. Он молчал и смотрел не на нее, а куда-то в сторону. В сто-

рону моего сарая. От его пристального, ничего не выражающего взгляда мне стало не по себе.

– ...и леди Кассиан сказала, что у тебя безупречный вкус! Она в восторге от приема, – щебетала Лея. – И я так рада, что Кристен понемногу приходит в себя, нашла себе это увлечение... Оно так ее успокаивает.

Дамиан не ответил. Тишина затянулась, и даже Лея, кажется, почувствовала неловкость. Она замолчала, и когда заговорила снова, ее голос был уже не таким звонким. Он стал серьезнее, в нем появились вкрадчивые, осторожные нотки.

– Дамиан...

Он не пошевелился.

– А что будет... с ребенком?

Мое сердце сделало кульбит и ухнуло куда-то вниз. Я замерла, вцепившись пальцами в ветку жасмина так, что побелели костяшки. Я перестала дышать. Это был тот самый вопрос, который мучил меня с первого дня, когда я очнулась в этом теле. Вопрос, от которого зависело абсолютно все.

Я смотрела на неподвижную спину своего мужа, на то, как напряглись его плечи, и с ужасом ждала ответа.

Вопрос Леи повис в утреннем воздухе. Дамиан не двигался, продолжая смотреть вдаль. Его молчание было хуже любого ответа. Лея, очевидно, истолковала его по-своему и, не дождавшись реакции, шагнула к нему ближе.

– Я понимаю, Дамиан... – ее голос стал тихим. – Этот ребенок... он будет вечным напоминанием о ее предательстве,

о том, что произошло между вами. Конечно, ты не хочешь его. Я бы тоже не хотела. Чтобы мы могли наконец...

Она не успела договорить.

Он развернулся с молниеносной скоростью. Движение было резким, хищным. Не успела Лея и пикнуть, как его рука схватила ее за подбородок, грубо заставив вскинуть голову и посмотреть ему прямо в глаза. В его взгляде была чистая, раскаленная злость.

– Закрой свой рот, Лея, – прошипел он. – И никогда. Слышишь? Никогда не смей говорить о моем сыне.

Слово «моим» он произнес с такой силой и неоспоримым правом, что я поняла – это не просто слова, а принятый за основу факт.

Он отпустил ее так же внезапно, как и схватил. Лея пошатнулась. На ее лице была смесь страха и глубокой, жгучей обиды. Ее губы дрожали.

Я смотрела на эту сцену, а слова Леи впились мне в мозг. «Напоминанием о том, что произошло между вами». О чем она говорила? О том давнем предательстве с бароном, о котором она мне рассказала? Или... было что-то еще? Что-то, случившееся уже после свадьбы?

Мое первое воспоминание в этом мире было о его ярости, о грубой, наказывающей близости. Тогда я думала, что это его способ мстить за прошлое, за тот разорванный союз. А что, если это была месть за настоящее? Неужели Кристен изменила ему? Уже будучи его женой?

Тогда слова Леи обретают новый, чудовищный смысл. Она намекала на то, что этот ребенок может быть не от Дамиана. И поэтому он так взбесился?

Дамиан больше не посмотрел в ее сторону. Он развернулся и широкими, быстрыми шагами направился прочь, в сторону конюшен. Лея осталась одна. Она постояла так несколько секунд, глядя ему вслед, затем ее плечи гордо расправились. Она высоко вскинула голову и, стараясь сохранять достоинство, пошла обратно к дому, оставив меня наедине с новой, ужасающей догадкой.

Я дождалась, пока они оба скроются из виду, и только тогда вышла из своего укрытия. Сердце все еще колотилось после увиденного. Я крепче сжала в руках сверток и почти бегом направилась в сарай. Работа. Сейчас мне как никогда нужна была работа – методичная, понятная, требующая полной концентрации.

Я развела огонь, растопила драгоценный жир, отмерила щелок. Каждое движение было выверенным, автоматическим, но мысли были далеко. Они снова и снова возвращались к сцене в саду.

Мне не было жаль Лею. Ни капли. Она вела свою игру и получила по рукам. Меня беспокоила реакция Дамиана. Его внезапная, неконтролируемая ярость. И дело было не в том, что он проявил жестокость к своей любовнице. А в том, почему он ее проявил.

Она затронула запретную тему. Тему Кристен и ребенка.

И для него это, очевидно, все еще было незаживающей раной. А если что-то болит, значит, оно не умерло. Значит, он по-прежнему неравнодушен. Я помещивала густеющую массу в котле, и горькая усмешка тронула мои губы. Хотя, когда это ненависть была равнодушной? Нет. Равнодушие – это тишина и пустота, серая пыль на остывших углях. А его ненависть кричала. Она была слишком живой, слишком яркой. Обратная сторона любви, которая так и не смогла умереть.

Странное дело. Я стояла в своем сарае, который пах щедром и травами, но в носу у меня настойчиво стоял другой запах. Сладкий, густой, дурманивший аромат жасмина. Тот самый, за которым я пряталась.

И тут, как укол иглы, в мозгу вспыхнула еще одна чужая картинка. Не целое воспоминание, а лишь крошечный осколок. Рука Дамиана протягивает веточку с мелкими белыми цветами. Голос его звучит нежно:

«Они пахнут, как ты».

Жасмин. Это были цветы жасмина.

Коварная улыбка тронула мои губы. Как только я выполню заказ для леди Кассиан, я сделаю жасминовое мыло. Посмотрим, как далеко он будет улепетывать, когда запах его прошлого будет исходить от женщины, которую он так сильно ненавидит в настоящем.

Всем спасибо за поддержку! Мне очень приятно ваше внимание к героям и сюжету ##

25-26

Следующие полтора дня превратились для меня в спектакль с двойной жизнью. Днем я была леди Арден. Я гуляла с леди Кассиан и Леей по саду, обсуждала с ними последние столичные моды, присутствовала на обедах и с вежливой улыбкой выслушивала громкие истории барона Эштона. Я играла свою роль безупречно, но каждый час этого притворства отнимал у меня силы.

Но как только дом затихал, и гости расходились по своим покоям, я превращалась в себя – в Машу-мыловара. Я тайком ускользала в сарай и работала при свете одной свечи до глубокой ночи, а затем вставала до рассвета, чтобы успеть сделать еще немного.

Каждый вечер Герта приносила мне ужин и обязательную настойку для памяти. Я послушно выпивала горькую жидкость, с замиранием сердца ожидая очередного провала в чужую жизнь. Но ничего не происходило. Ни вспышек, ни голосов, ни запахов. Только пустота и тишина в голове.

И на вторую ночь меня накрыла холодная, липкая догадка. Оба раза, когда я что-то вспоминала, рядом был он. Дамиан. Неужели... неужели настойка действовала только в его присутствии? Мысль была настолько ужасающей, что у меня похолодели руки. А если это так, то не пришел ли к тому же выводу и он сам?

В вечер перед отъездом гостей, как мы и договаривались, в моих покоях появилась Элиза, служанка леди Кассиан, якобы для приготовления ванны. Мои руки слегка дрожали от усталости и нервного напряжения, когда я передавала ей сверток с дюжиной брусков мыла с ароматами лаванды и мяты. Она без единого слова приняла его и так же бесшумно спрятала в большой дорожной сумке своей госпожи.

Утром я стояла рядом с Дамианом у парадного входа, провозжая гостей.

– Рад видеть вас в добром здравии, леди Кристен, – сказал на прощание лорд Кассиан. – У вас редкий дар. Не зарывайте его в землю.

Леди Кассиан, прощаясь, с улыбкой поблагодарила за гостеприимство.

– И отдельное спасибо за ваш... особенный подарок, – добавила она так, чтобы слышала только я. – Уверена, он принесет много радости. Ждите вестей.

Я лишь вежливо улыбнулась в ответ. Дамиан стоял рядом, его лицо было непроницаемо, но я чувствовала его напряженное внимание.

Когда экипажи скрылись за поворотом дороги, в доме стало оглушительно тихо. Давление последних дней спало, но на смену ему пришел новый, более глубокий страх.

Я направилась в сад, прямо к тому самому кусту жасмина. Солнце пригревало его листья, и воздух был наполнен густым, сладким ароматом. Я не стала срывать одну ветку. Я

начала методично, одну за другой, срывать душистые соцветия, наполняя ими подол своего платья.

Для моего нового творения понадобится много сырья.

Я так увлеклась своим занятием, что не слышала шагов за спиной. Низкий, знакомый голос раздался так неожиданно, что я вздрогнула и замерла, вцепившись в подол платья.

– Что ты делаешь?

Цветы в подоле вдруг показались мне не невинными лепестками, а неопровержимой уликой в каком-то страшном преступлении. Я медленно, очень медленно выпрямилась и обернулась.

На дорожке сада, в нескольких шагах от меня, стоял Дамиан. Он скрестил руки на груди, и его взгляд был прикован не к моему лицу, а к белым цветам, которыми был набит мой подол.

– Собираю цветы, – я постаралась, чтобы мой голос звучал как можно более беззаботно. – У них очень приятный аромат.

– Жасмин, – сказал он, и в том, как он произнес это простое слово, не было ничего приятного. В нем был лишь холод. Он поднял на меня свои темные глаза. – Я думал, ты его больше не любишь.

Он помнил. Он не просто узнал цветок, он помнил отношение Кристен к нему. И сейчас он проверял меня.

– Я не помню, любила я его или нет, – ровно ответила я, выдерживая его тяжелый взгляд. – Но сейчас мне нравится

этот запах.

Он молча смотрел на меня несколько долгих, невыносимых секунд. Затем шагнул ближе. Он протянул руку, но не ко мне. Его пальцы погрузились в ворох цветов в моем подоле и извлекли одну-единственную веточку.

Он поднес ее к лицу, но не для того, чтобы вдохнуть аромат. Его глаза не отрывались от моих, когда он медленно, методично начал сминать нежные белые лепестки между большим и указательным пальцами. Он не просто давил их. Он уничтожал их, превращая в жалкое, измятое месиво, пока в воздухе не остался лишь густой, надломленный, почти траурный запах.

Он бросил то, что осталось от цветка, на землю, медленно достал кипенно-белый платок из кармана и вытер пальцы.

– Прошное должно оставаться в прошлом, – отчеканил он. – Забудь про эти цветы.

Сказав это, он развернулся и ушел, оставив меня одну посреди солнечного сада, рядом с растоптанным цветком. Я посмотрела на изуродованный цветок на земле, потом на свой подол, полный жасмина, и усмехнулась.

Он старательно изображает из себя морального урода. Вся эта показная жестокость, этот ледяной взгляд – всего лишь броня, которой он пытается защититься от того, что до сих пор делает ему больно.

Но одного я не понимала. Если ему так больно даже от запаха цветов, которые напоминали ему о прошлом, зачем

он держит меня здесь, в одном доме с собой? Зачем каждый день смотрит на женщину, которая растоптала его любовь?

Мазохист, что ли?

Весь следующий день я посвятила своему новому плану. Собранного жасмина было не так много, и я понимала, что масла из него получится всего несколько драгоценных капель, но мне и не нужен был большой объем. Мне нужен был сам запах. Я загрузила цветы в перегонный аппарат и развела под ним огонь, с головой погрузившись в уже знакомый, успокаивающий процесс.

Пока аппарат разогревался, я занялась подготовкой к новой, большой партии мыла. Я достала последний брусок жира инеевых ягод, который дал мне повар, и поняла, что его не хватит, чтобы выполнить даже половину гипотетического заказа от подруг леди Кассиан. Мое маленькое предприятие оказалось под угрозой, едва начавшись. Нужно было действовать.

Оставив аппарат на медленном огне, я направилась на кухню. Повар, занятый разделкой мяса, на мой вопрос лишь развел руками.

– Простите, миледи, но масла инеевых ягод больше нет. В этот раз лорд Арден не заказывал большую партию. Сказал, незачем.

Сказал, незачем. Это было сделано намеренно. Он слышал разговор за ужином и теперь перекрывал мне кислород, лишая доступа к сырию.

– Закажите еще, – мой голос прозвучал тверже, чем я ожидала. – Закажите вдвое больше, чем обычно. Скажите поставщикам, что это мой личный заказ. Я оплачу все расходы.

Повар удивленно вскинул брови, но, увидев выражение моего лица, спорить не стал. Он лишь поклонился.

– Как прикажете, миледи.

Получив то, что хотела, я захватила мешок с просеянной золой и пошла обратно. Моя голова была занята расчетами. Если поставки будут регулярными, я смогу наладить постоянное производство. План обростал деталями, и это придавало мне сил.

Я толкнула дверь сарая, предвкушая, как вернусь к работе, и замерла на пороге.

Возле моего стола, с испуганным видом разглядывая медный аппарат, стояла Лея.

Она услышала скрип двери и резко обернулась. Увидев меня, она вздрогнула, словно ее поймали на месте преступления.

– Кристен! Я... я тебя искала...

От неожиданности она неловко взмахнула рукой, зацепив длинным рукавом своего платья горячую медную трубку, идущую от котла. Равновесие аппарата, и без того шаткое, было нарушено. Тяжелый котел опасно накренился, готовый вот-вот рухнуть на пол и расплескать драгоценное, кипящее содержимое.

Я не думала. Я бросилась вперед, инстинктивно пытаюсь

спасти свое творение. Я успела подхватить раскаленный медный куб обеими руками, с трудом удерживая его вес и возвращая на место.

Аппарат был спасен.

– С-с-с-ш-ш... – я отдернула руки, и из горла вырвалось сдавленное шипение.

Боль была ослепляющей. Все звуки мира свелись к оглушительному реву в ушах, а все ощущения – к нестерпимому жару, вцепившемуся в мои ладони. На белой коже мгновенно вздулись уродливые пузыри, и я с трудом сдержала крик, закусив до боли губу. Мои руки. Мой единственный инструмент, моя единственная надежда на спасение – теперь были бесполезны.

– О, Боги! Кристен! Твои руки!

Испуганный возглас Леи вырвал меня из пелены боли. Она подскочила ко мне, ее лицо было искажено ужасом.

– Прости! Я не хотела, я клянусь! Я просто... я хотела поговорить, извиниться за вчерашнее... Я не знала, что он такой горячий!

Ее причитания были как жужжание назойливой мухи. Мне было все равно, чего она хотела. Она вторглась в мое единственное убежище. Она разрушила все.

– Убирайся, – прошипела я сквозь стиснутые зубы, качая головой. Боль была такой сильной, что перед глазами плыли темные пятна. – Просто... убирайся отсюда. Вон!

Моя злость, кажется, напугала ее больше, чем вид моих

ожогов. Она отшатнулась, ее глаза наполнились слезами, и, всхлипнув, она выбежала из сарая.

Я осталась одна, беспомощно глядя на свои изуродованные руки. Что теперь? Я не могла даже прикоснуться к чему-либо. Я не могла закончить работу. Я была в ловушке.

Через несколько минут дверь снова распахнулась. На пороге стояла Герта. За ее спиной маячила бледная тень Леи. Взгляд кормилицы скользнул по моим рукам, затем обвел сарай – перегонный аппарат, разложенные на столе ингредиенты, склянки для масел. Ее лицо стало суровым, как у судьи.

– Великие Светлые... Миледи, что же вы наделали...

Она решительно вошла внутрь, подошла ко мне и осторожно, едва касаясь, взяла мое запястье, чтобы рассмотреть ожоги.

– Это нужно немедленно обработать. Сами вы не справитесь.

Она посмотрела мне прямо в глаза, и в ее взгляде не было жалости. Только мрачная констатация факта.

– Нужно звать лекаря. И лорд... лорд Арден должен об этом узнать.

Герта действовала быстро и решительно. Она тут же отравила окаменевшую от ужаса Лею за холодной водой и чистыми тряпками, а сама помогла мне сесть на старый ящик, не давая дотронуться до чего-либо обожженными руками. Боль пульсировала от ладоней к плечам, и я с трудом удерживала сознание.

Я не знала, сколько прошло времени, но скоро в дверном проеме сарая появилась высокая темная фигура, и мое сердце сжалось от страха. За спиной Дамиана семенил старик-лекарь со своим чемоданчиком.

Дамиан вошел внутрь. Его взгляд сначала упал на мои руки, которые Герта как раз поливала холодной водой, а затем медленно, с убийственной дотошностью обвел все помещение. Он увидел перегонный аппарат, который все еще источал тонкий аромат жасмина. Увидел разложенные ингредиенты, заботливо расставленные склянки, готовое мыло. Его лицо превратилось в ледяную маску, но в глубине глаз полыхал гнев.

Он проигнорировал всех. Подошел прямо ко мне и опустился на одно колено, чтобы заглянуть мне в лицо.

– Объясни, – приказал он одним словом.

– Я работала, – только и смогла выдавить я и сжать губы.

– Я вижу, – его голос был тихим и оттого еще более угрожающим. – Я разрешил тебе причуду, Кристен, а не алхимическую лабораторию.

Пока лекарь разворачивал свои инструменты и доставал мази, Дамиан поднялся и подошел к столу. Он взял в руки склянку с парой капель жасминового масла. Понюхал. Его челюсти сжались так, что на щеке заходили желваки.

– Я же сказал тебе, – прошипел он, поворачиваясь ко мне. – Забыть про эти цветы.

Лекарь принялся за работу. Он осторожно смазывал мои

ожоги густой, холодной мазью, и я шипела от боли. Дамиан молча наблюдал за каждым моим движением. Когда лекарь закончил и туго забинтовал мои ладони, превратив их в две бесполезные белые культи, он вынес свой вердикт:

– Полный покой. Никакой работы руками как минимум неделю. Иначе останутся шрамы.

– Я прослежу, – ледяным тоном ответил Дамиан. Он кивком отпустил лекаря и Герту, которая увела за собой все еще бледную Лею.

Мы остались одни в моем разгромленном святилище.

– Завтра этот сарай заколотят, – произнес он, и его слова прозвучали как приговор. – Ты будешь сидеть в своих покоех, пока лекарь не разрешит тебе выходить. А все твои... игрушки, – он обвел взглядом плоды моих трудов, – будут уничтожены.

Он лишал меня всего. Моей единственной надежды. Моего плана. Моей свободы.

– Зачем? —спросила я, глядя на него снизу вверх.

Он остановился у самого выхода. Не поворачиваясь, он бросил через плечо фразу, которая окончательно впечатала меня в пол.

– Потому что ты моя. И все, что ты делаешь, – тоже мое. А я не позволяю своим вещам причинять себе вред.

Слова о том, что я его вещь, стали последней каплей. Отчаяние и боль от ожогов смешались в один яростный, безрассудный порыв. Боль в изувеченных руках была невыносимой, и эта физическая мука сплелась с унижением его слов, переплавившись в чистую, слепую ярость. Он уже был в дверях, когда я крикнула ему в спину, и мой голос сорвался от напряжения.

– Я не вещь!

Он остановился, его спина была прямой и напряженной. Это молчание подстегнуло меня.

– И я не буду твоей игрушкой! – выкрикнула я, с трудом поднимаясь на ноги. Голова кружилась от боли в руках, но я не обращала на это внимания. – Заколотишь этот сарай – я сбегу! Слышишь меня, Дамиан? Я сбегу от тебя!

Воздух в сарае изменился. Это произошло мгновенно. Он стал тяжелым, плотным, дышать стало трудно. А потом – горячим. Нестерпимо горячим, будто кто-то открыл дверь в раскаленную печь. Жара исходила от него, от неподвижной фигуры в дверном проеме. В воздухе появился странный привкус озона, как после удара молнии, и тонкий, едкий запах серы.

Он медленно, очень медленно повернулся.

И я отшатнулась, забыв про боль. Передо мной стоял уже

не просто разгневанный мужчина. В полумраке сарая его глаза горели. Не метафорически. Они светились изнутри тусклым, оранжевым светом, как угли в доменной печи. В его зрачках, по-кошачьи узких, плясали крошечные искры, словно там, в глубине, тлело адово пламя. Из его горла вырвался низкий, вибрирующий звук. Этот звук не просто ударил по ушам – он проник внутрь, в грудную клетку, заставив вибрировать кости. Рычание.

Он шагнул ко мне. Не быстро, но с такой тяжелой, неумолимой поступью, что старые половицы под его сапогами закрипели. Я попятилась, пока не уперлась спиной в холодную каменную стену. Он подошел вплотную и навис надо мной, и я ощутила исходящий от него сухой, невыносимый жар. В воздухе отчетливо запахло нагревающейся древесиной.

– Сбежишь? – его голос был глухим, рокочущим, от него, казалось, дрожали стены. Он наклонил голову, и его светящиеся глаза впились в мои. – Глупая девчонка. От меня не сбегают, Кристен, – пророкотал он, и от звука его голоса у меня затряслись поджилки. – Ты принадлежишь мне. Твое тело. Твоя жизнь. Ребенок, которого ты носишь. Все это – мое.

Он наклонился еще ниже. Я чувствовала, как от жара, исходящего от него, шевелятся крошечные волоски у меня на висках.

– Куда бы ты ни побежала – на край света, в самую глу-

бокую нору под землей – я найду тебя. Я почувствую тебя. И я верну.

Он смотрел на меня еще несколько бесконечных секунд, вбивая ужас мне под кожу, в самую кровь. Я не могла ни дышать, ни двигаться, парализованная его первобытной волей.

Он тронул горячими пальцами мои губы и выдохнул жаркое дыхание в макушку.

– Даже не пытайся украсть себя у меня, глупая девчонка. Моего терпения не хватит еще и на твои выходки. Я сожму в лапах и сломаю, как горный цветок.

Затем он на миг зажмурился, и когда открыл глаза, оранжевое свечение в них поблекло, втягиваясь обратно в расширяющиеся зрачки, как гаснущий уголь. Жар, исходивший от него, медленно спадал, оставляя после себя лишь запах гари и гнетущую тишину. Он выпрямился, снова став просто высоким, равнодушным человеком, и направился к выходу.

Страх сковывал горло, но мой разум, обожженный этим ужасом, лихорадочно работал. Я увидела не только его ярость. Я увидела его больное место. И это придало мне сил. Я заставила себя говорить. Я должна была понять.

– Если ты так меня ненавидишь... зачем я тебе все еще нужна? – прохрипела я ему в спину.

Он замер у самого порога. На мгновение мне показалось, что он не ответит. Но он обернулся. Его лицо было спокойным, но в глазах плескалась такая черная, вековая тоска, что стало страшнее, чем от его ярости.

– Потому что такова цена, Кристен, – холодно сказал он. – Твое предательство стоило тебе счастья. А мне оно стоило половины души.

Стук молотков доносился до самых окон моих покоев. Глухой, методичный, окончательный. Я не видела, но знала – там, за густыми кронами деревьев, мою маленькую лабораторию превращали в гроб. Дамиан действительно распорядился заколотить сарай, как и обещал.

Прошел всего день. Я не выходила из комнаты, отказываясь и от завтрака, и от обеда. Герта молча приносила поднос с едой и так же молча уносила его почти нетронутым. Кусок не лез в горло. В голове стучали только две мысли: «все кончено» и «что делать дальше».

В дверь деликатно постучали, и вошла Лея. Ее лицо выражало вселенскую скорбь.

– Мне так жаль, сестренка, – начала она, присаживаясь на край моей кровати. Ее взгляд был полон сочувствия. – Но сама подумай, скоро у тебя появится сын. Разве можно так себя изнурять? К тому же, ты так сильно обожгла руки... А могло ведь случиться и что-то похуже.

Я промолчала, хотя на языке вертелся язвительный ответ. Если бы не ее любопытный нос, ничего бы этого не случилось.

– Дамиан очень переживает, – добавила она, понизив голос.

Я горько усмехнулась.

– Это он тебе сказал? Или ты сама додумала?

Лея тут же поджала губы и опустила взгляд. Звякнули золотые серьги в ее ушах.

– Я просто знаю, как тебе важны его чувства.

Мне? Нет. А вот твоей сестре Кристен, наверное, было бы больно даже слышать о его чувствах. Особенно от тебя.

Этого я тоже не сказала вслух, просто растянула губы в невеселой улыбке и снова отвернулась к окну. Поняв, что утешения из нее не выйдет, Лея вздохнула и оставила меня в покое. Ее почти сразу сменила Герта, пришедшая забрать поднос.

– Госпожа, не стоит так убиваться. Лорд в гневе, но гнев проходит.

– Дело не в гневе, Герта, – отмахнулась я. – Он отобрал у меня единственное, что давало мне силы. Что мне теперь делать?

Женщина поправила свой белоснежный фартук и на удивление мягко сказала:

– Ваши руки изранены, миледи. Вам все равно нужен покой. Рано об этом думать.

Она ушла, оставив меня наедине с этой убийственной правдой. Мои руки, мой главный инструмент, были бесполезны. Моя мастерская уничтожена. Мой план рухнул. Я сидела, глядя на свои забинтованные ладони и чувствуя, как меня затапливает ледяное, беспросветное отчаяние.

Дверь снова тихо скрипнула. Я думала, это опять Лея, и

уже хотела резко ее оборвать, но на пороге стояла Герта. Лицо ее было, как всегда, непроницаемым. Она молча подошла ко мне.

– Это вам, миледи, – тихо сказала она.

Она протянула мне небольшой, туго свернутый листок пергамента.

– Что это? – хрипло спросила я.

– Пришло с утренней почтой для поставщиков, – еще тише ответила Герта, оглядываясь на дверь. – Кучер леди Кассиан передал нашему конюху. Просил отдать лично вам, когда лорд не будет видеть.

Герта вышла так же тихо, как и вошла, оставив меня наедине с тугим свитком пергамента. Пальцы, скованные бинтами, не слушались, превратившись в неуклюжие культи. Мне стоило немалых усилий, чтобы подцепить край листка и развернуть его. Почерк был ровным, каллиграфическим, но торопливым.

«Леди А.

Ваш подарок пришелся ко двору. Спрос превышает предложение. Если будете в торговом городе Нордхолле, найдите в лавке «Золотой перепел» торговца шелком по имени Йонас. Скажите, что вы от «Леди К.» с «особенным заказом». Он будет знать, что делать. Не медлите. Железо нужно ковать, пока горячо.

Сожгите это».

Я поднесла уголок пергамента к пламени свечи. Бумага нехотя задымилась, потом почернела и вспыхнула, скручиваясь в хрупкий черный пепел. Я наблюдала, как последние слова исчезают в огне, и осторожно развеяла остатки. Записка была уничтожена, но ее содержание навсегда врезалось мне в память. Мой план не рухнул. Он просто перешел на новый, более опасный уровень.

Следующая неделя превратилась в странное, тягучее затишье перед бурей. Герта каждый день молча меняла мне повязки. Боль от ожогов утихла, сменившись сперва нестерпимым зудом, а затем ощущением стянутости. Когда спустя несколько дней Герта наконец сняла бинты, я увидела под ними гладкую, нежно-розовую, уязвимую кожу. Мои руки, мой главный инструмент, возвращались ко мне.

Лея, верная своей роли заботливой сестры, каждый день пыталась вытащить меня на прогулку, щебеча о пользе свежего воздуха для меня и ребенка. Я соглашалась, но раз за разом вела ее не по парадным аллеям с их идеальными клумбами, а к хозяйственным постройкам, ссылаясь на то, что мне скучно сидеть в четырех стенах.

На самом же деле я вела разведку. Днем я была леди Арден, а мысленно – шпионом, собирающим информацию. Я наблюдала за прачками. Они часами стояли у огромных та-

зов, держа руки в едком отваре вервеска, а затем с силой натирали белье моим грубым хозяйственным мылом. Я видела, как одна из них, молоденькая девушка, морщится от боли, когда мыльная вода попадает на трещинку у нее на костяшке. Кожа на их пальцах грубела, сохла и трескалась до состояния коры.

Я видела, как на кухне повара оттирают жирные медные котлы речным песком, жалуясь друг другу на цыпки и вечную сухость. А старый садовник, которому я пожаловалась на «скуку», с радостью поделился своими секретами. Под предлогом создания ароматного саше для белья, я выведала у него все, что мне было нужно. Он рассказал, что сок из лепестков розы сорта «алая королева» высоко ценится за то, что убирает красноту и раздражение, а настой из ночного «луноцвета» знахарки веками использовали, чтобы делать кожу бархатистой и нежной.

Информация ложилась в мою голову, как недостающие кусочки мозаики. Пока мои руки заживали, мой мозг лихорадочно работал. Я мысленно составляла рецепт идеально-го увлажняющего и заживляющего крема, который мог бы стать еще более ценным и желанным товаром, чем мыло. Основа – целебное масло инеевых ягод. В него я добавлю эфирные масла из «алой королевы» и «луноцвета». Первыми, кто опробует мой крем, будут прачки. Их измученные руки – лучшее доказательство эффективности.

Дамиана я почти не видела. В начале недели он уехал по

делам клана, бросив на меня на прощание лишь один тяжелый, ничего не выражающий взгляд.

И вот сегодня, спустя почти неделю, он вернулся. Мы с Леей как раз гуляли у розария. Она рассказывала какую-то светскую сплетню, а я лишь кивала, мысленно подбирая пропорции для своего крема. Внезапно со стороны ворот донесся отчетливый стук копыт. Лея замерла на полуслове, а затем ее лицо озарилось такой детской, счастливой улыбкой, что я невольно поморщилась. Не дожидаясь меня, она сорвалась с места и побежала к дому.

Я осталась стоять в саду, наблюдая за сценой со стороны. Лея подбежала к Дамиану, который только что спешил, и беззастенчиво бросилась ему на шею. Он выглядел уставшим, его дорожный плащ был покрыт пылью, а лицо было мрачнее грозовой тучи. Он не обнял ее в ответ, лишь устало положил руку ей на спину, и его взгляд поверх головы Леи устремился в сад. Прямо на меня.

Он смотрел несколько долгих секунд, и его губы сжались в жесткую, тонкую линию. Затем, полностью игнорируя повисшую на нем Лею, он обратился ко мне. Его голос был хриплым от дорожной пыли.

– Мы уезжаем. Завтра. На рассвете.

Лея резко отстранилась от него, ее лицо выражало полное, почти комичное недоумение.

– Куда? Куда мы уезжаем, Дамиан?

Он наконец опустил на нее свой тяжелый, пустой взгляд.

– Не мы, Лея. Я. И моя жена.

Слова Дамиана повисли в звенящей тишине сада. Лицо Леи было похоже на маску трагической актрисы – улыбка застыла и рассыпалась, глаза наполнились слезами недоумения и обиды. Она посмотрела сперва на Дамиана, потом на меня, будто ища виновника своего рухнувшего мира.

– Но... почему? Я не понимаю... – прошептала она.

Дамиан не удостоил ее ответом. Он передал поводья подоспевшему конюху и, даже не стряхнув с плаща дорожную пыль, пошел к дому. Проходя мимо меня, он бросил короткую фразу, не сбавляя шага:

– Будь готова к рассвету.

И исчез в проеме двери.

Лея осталась стоять посреди двора. Ее плечи затряслись, и она, закрыв лицо руками, разрыдалась и убежала в дом. Я смотрела ей вслед без капли сочувствия. Моя голова была занята другим. Мы уезжаем. Куда? Зачем? Эта внезапная поездка рушила мои планы. Нордхолл, торговец шелком, леди Кассиан – все это становилось недостижимым.

Я вернулась в свою комнату. Чувство паники подкатывало к горлу, но я заставила себя успокоиться. Паника – это роскошь, которую я не могла себе позволить. Мне нужна была информация.

Через некоторое время ко мне пришла Герта, чтобы по-

мочь собрать вещи для поездки. Ее лицо было, как всегда, суровым и непроницаемым.

– Герта, куда он меня везет? – спросила я, пока она укладывала в дорожный сундук мои платья.

– Лорд ничего не сказал, миледи, – ровным тоном ответила она, не поднимая головы. – Но в это время года он обычно отправляется в Драконий Утес. На летний совет кланов.

Драконий Утес. Название отозвалось в памяти ледяным эхом. «Как только он родится, его отправят в Воспитательный дом Драконьего Утеса». Так он сказал в тот первый, самый страшный день. И теперь он везет меня туда. Меня, беременную его сыном. Неужели он что-то задумал? Избавиться от меня еще до родов?

Я опустила на кровать, чувствуя, как холодеют руки.

– Герта, помоги мне, – тихо сказала я.

Женщина выпрямилась и посмотрела на меня.

– Мне нужно взять с собой мои... склянки. И мыло. Все, что было в сарае.

– Миледи, лорд приказал все уничтожить, – покачала головой она.

– Неужели совсем ничего не осталось?

Герта долго молчала, изучая мое лицо. В ее глазах боролись долг и жалость.

– Я унесла остатки мыла и склянки. Спрятала их в прачечной. Думала отдать, когда вы выздоровеете, – Она криво улыбнулась, посмотрела на мои перевязанные руки и вздох-

нула. — Хорошо, — наконец произнесла она. — Я сделаю это. Но если лорд узнает...

— Он не узнает, — твердо пообещала я.

Той ночью я почти не спала. Я сидела у окна, глядя на звезды и сжимая в руке мешочек с монетами от леди Кассиан. Мой план не рухнул, он трансформировался в нечто иное. Возможно, мне предствится шанс сбежать от него во время поездки, или я найду возможность выбраться из Драконьего Утеса.

На рассвете я уже была готова. Я стояла у кареты, запряженной четверкой вороных коней. Дамиан появился через несколько минут. Он был одет в дорожный костюм, но даже в простой одежде от него исходила аура власти и опасности.

Он окинул меня холодным взглядом, затем посмотрел на небольшой дорожный саквояж у моих ног, в котором лежали мои самые ценные вещи — деньги, мыло и немного масла.

— Это тебе не понадобится, — сказал он.

Он кивнул слуге, и тот тут же подхватил мой саквояж, чтобы унести его обратно в дом.

Сердце споткнулось о ребра и забилось в горле.

— Но там мои вещи! — запротестовала я.

— Все, что тебе понадобится в дороге, уже в карете, — отрезал он. — А все, что тебе понадобится в Драконьем Утесе, тебе предоставят. Садись.

Он открыл дверцу кареты, и его жест был не приглашением, а приказом. Я осталась стоять на месте, глядя на то, как

уносят мою единственную собственность.

– Я сказал, садись в карету, Кристен.

В этом небольшом кожаном мешке было все – мои деньги, мое мыло, моя единственная связь с планом побега. Потерять его сейчас означало потерять все.

– Подожди, – голос прозвучал на удивление громко и твердо.

Слуга замер на приличном от нас расстоянии, растерянно глядя то на меня, то на своего господина. Я сделала шаг вперед, прямо к Дамиану, заставив себя посмотреть в его холодные, непроницаемые глаза.

– Мне нужна эта сумка.

Он молча смотрел на меня, и я видела, как в глубине его глаз залегла тень удивления. Похоже, он ожидал другой реакции, а не просьбы, произнесенной ровным тоном. Я не дала ему времени ответить.

– Что ты хочешь за нее? – спросила я, и сама поразилась своей смелости. – У всего есть цена. Какова твоя?

Он хмуро усмехнулся, и эта усмешка была полна презрения.

– Решила поторговаться? – он медленно обошел меня по кругу, как хищник, изучающий странную, незнакомую добычу. – Это на тебя не похоже, Кристен.

Я молчала, выдерживая его тяжелый взгляд. Он остановился напротив меня и сделал глубокий, медленный вдох.

– Я чувствую запах, – тихо сказал он. – Лаванда. – Его взгляд впился в мой. – В этом саквояже твое мыло. То самое, что я приказал уничтожить.

Внутри все похолодело. Он знал. Конечно, он знал. Я совсем забыла, что он не просто человек. Его чувства были острее, тоньше.

– Это значит, – его голос стал еще тише, но от этого только более опасным, – что кто-то из слуг ослушался прямого приказа. Кто-то в моем доме посмел пойти против моей воли, чтобы услужить тебе.

Он сделал еще один шаг, сокращая дистанцию между нами до минимума.

– Это была Герта? – он задал мне в лицо тихий вопрос. – Она всегда была к тебе слишком привязана, уверен и на службу в мой дом пошла только из-за тебя. Или это была твоя вечно сочувствующая сестрица? Хотя в последнем я искренне сомневаюсь. Лея против меня не пойдет.

Я молчала, мое лицо было каменной маской. Я не выдам Герту. Никогда.

– Молчишь, – он криво улыбнулся. – Что ж, это делает ситуацию еще интереснее. Цена за предательство в моем доме очень высока, ты не находишь? Сначала твоя жизнь, теперь жизнь служанки...

Он видел страх в моих глазах. Уверена он способен на все, чтобы доказать свою власть. Куда я снова вляпалась? Еще и Герту за собой потянула.

– Но я готов проявить милосердие, – он склонил голову набок, с любопытством разглядывая меня. – Все зависит от тебя. И от цены, которую ты предложишь.

Он протянул руку и коснулся пальцами моего подбородка, заставляя поднять голову.

– Так скажи мне, Кристен. Чем ты готова заплатить, чтобы я закрыл глаза на предательство Герты и позволил тебе взять с собой твои сокровища.

Его вопрос повис в холодном утреннем воздухе, и я лихорадочно искала ответ. Что я могла предложить человеку, у которого было все? Золото? У него его больше, чем у королевской казны. Земли? Он ими владел. Власть? Он был ею облечен. У меня не было ничего, кроме... знаний. Знаний из другого мира. Это была моя единственная, уникальная валюта.

– Я... я могу принести тебе богатство, – мой голос дрожал, но я заставила себя говорить. – Рецепт мыла – это только начало. Я знаю, как создавать другие вещи. Кремы, что делают кожу гладкой, духи с такими ароматами, которых здесь никто не знает. Вещи, за которые знатные дамы будут платить целые состояния. Я отдам тебе все. Все рецепты, всю будущую прибыль. В обмен на жизнь Герты и этот саквояж.

Я замолчала, с надеждой глядя на него. Это было хорошее предложение. Честное. Выгодное для него.

Он смотрел на меня несколько секунд, а потом из его горла вырвался тихий смешок. Он становился все громче, пока не перерос в полноценный, резкий смех, лишенный всякого веселья. Это был смех человека, который только что услышал самую нелепую шутку в своей жизни.

– Богатство? – он наконец отсмеялся, вытирая несуществующую слезу с уголка глаза. – Ты предлагаешь мне то, что

у меня и так есть? Ты предлагаешь мне воду, когда я стою посреди океана. Твоя наивность, Кристен, поистине поразительна.

Он шагнул ко мне, и улыбка исчезла с его лица, сменившись знакомым холодным выражением.

– Этого мало.

Его глаза потемнели. В них больше не было ни насмешки, ни злости. Только голод. Темный, первобытный, затягивающий голод, который я уже видела однажды в обрывке чужого, страшного воспоминания. Он смотрел на меня не как на жену или врага. Он смотрел на меня, как на добычу.

Он подошел вплотную и снова коснулся моего подбородка, но на этот раз его прикосновение было другим. Медленным, почти ласковым. Он провел большим пальцем по моей нижней губе, и от этого простого жеста по телу пробежала волна мурашек.

– Я не хочу твои рецепты, – прошептал он, и его дыхание коснулось моей щеки. – Не хочу твоих знаний.

Он наклонился к моему уху, его голос стал еще тише, превратившись в интимный, ядовитый шепот.

– Я хочу тебя. Твое тело. Это моя цена. За жизнь твоей верной служанки и за этот саквояж с твоими сокровищами. Соглашайся, или мы оставим их здесь. И саквояж, и жизнь Герты. Выбор за тобой.

Его тихий, ядовитый шепот заполнил все пространство вокруг, вытеснив воздух, звуки, самую реальность. Передо мной был выбор без выбора. На одной чаше весов – моя гордость, мое тело, мое право на себя. На другой – жизнь Герты и мой единственный, крошечный шанс на будущее.

Я думала о Герте, которая рискнула всем, чтобы помочь мне. О ее суровом лице и душевной доброте. Я не могла позволить, чтобы из-за меня она пострадала. Я думала о мешочке с золотом. Это была не просто надежда. Это был мой долг перед самой собой, перед той Машей, которая умерла, и перед тем ребенком, которого у меня отняли. Я должна была выжить и победить. Любой ценой.

Мое тело вовсе не мое. Это в прошлой жизни оно принадлежало только мне. Здесь, в этом мире, оно было чужой оболочкой, инструментом для рождения новой жизни. И если этот инструмент нужно было использовать, чтобы спасти жизнь доброму человеку и купить себе свободу, значит, так тому и быть.

Я медленно подняла на него глаза. Мой страх никуда не делся, он ледяной змеей свернулся в животе, но на лице, я знала, не дрогнул ни один мускул.

– Я согласна.

Слова прозвучали тихо, но в утренней тишине они про-

звенели, как удары колокола.

В его темных глазах на мгновение мелькнуло удивление. Он точно не ожидал этого. Не ожидал такой быстрой и холодной капитуляции, которая на самом деле была не капитуляцией, а осознанным выбором. Он изучал мое лицо, пытаясь найти трещину в маске, но не нашел.

На его губах появилась тень холодной усмешки.

– Мудрое решение, – сказал он.

Он кивнул слуге, который все это время стоял неподвижно в отдалении, боясь дышать.

– Верни саквояж госпоже.

Слуга с явным облегчением подошел к нам, поклонился и поставил мой кожаный мешок на землю рядом со мной. Дамиан снова посмотрел на меня.

– А теперь в карету. Не заставляй меня ждать.

Его голос снова стал обычным – властным, холодным, без следа того интимного, угрожающего шепота. Сделка была заключена.

Я наклонилась и подняла свой саквояж. Теперь он казался вдвое тяжелее. Я несла в нем не только мыло и золото. Я несла в нем цену, которую только что заплатила. С высоко поднятой головой, не глядя ни на кого, я подошла к карете и поднялась по ступенькам.

Внутри было просторно и роскошно. Бархатные сиденья, полированное темное дерево. Золотая клетка на колесах. Я села у окна, поставив саквояж у ног. Через мгновение в ка-

рету сел Дамиан. Он расположился напротив, заполнив собой все пространство. Дверца захлопнулась, отрезая нас от остального мира.

Карета тронулась. Мы ехали в молчании, глядя в разные окна. Но я чувствовала его взгляд на себе. Чувствовала, как в замкнутом пространстве висит наше соглашение.

Дорога до Драконьего Утеса была длинной. И сегодня ночью мне предстояло внести и первую плату.

Мы ехали в молчании. Стук копыт по дороге и покачивание кареты были единственными звуками, нарушавшими гнетущую тишину. Я смотрела в окно на проплывающие мимо деревья и думала только о том, что ночь неизбежно нагрянет.

Не прошло и часа, как Дамиан без единого слова достал из своей дорожной сумки знакомый темный флакон и протянул его мне. Настойка. Я посмотрела на него, потом на флакон. Моя догадка о том, что воспоминания приходят только в его присутствии, кажется, была верна, и он, похоже, пришел к тому же выводу. Теперь он форсировал события.

Я неохотно взяла склянку. Выбора у меня не было. Горькая жидкость обожгла горло, и мир перед глазами качнулся и растворился.

День свадьбы. Я стою в конце длинного зала, похожего на храм, в тяжелом, роскошном платье. Мои руки, сжимающие букет из белых лилий, трясутся так сильно, что цве-

ты дрожат. Каждый шаг к алтарю, где ждет он, дается с нечеловеческим трудом. Меня душат эмоции, но это не радость невесты. Это страх перед его холодной яростью. Это чувство вины за то, что я сделала. Это боль от потерянной любви, которую я сама растоптала. И глухая, бессильная обида – на отца, на себя, на судьбу, которая так жестоко надо мной посмеялась.

Он ждет меня у алтаря. Он невероятно красив в своем черном парадном камзоле, но похож не на жениха, а на палача. Его лицо – непроницаемая маска, но я смотрю в его темные глаза и знаю – у него внутри все черно от боли и ненависти.

Храмовник произносит слова, которые доносятся до меня как сквозь толщу воды. Наступает моя очередь говорить.

– Да, – шепчу я, и это слово – признание своего поражения.

Он смотрит на меня, и на его губах появляется кривая, жестокая усмешка. Взгляд его полон такого ледяного презрения, что у меня темнеет в глазах.

– Да, – произносит он громко и отчетливо, его голос эхом разносится под сводами зала. – Мы будем пить эту чашу до дна.

Это была не клятва верности. Это было проклятие.

Картинка разбилась на тысячи осколков. Я вынырнула из воспоминания, судорожно хватая ртом воздух. Я снова бы-

ла в карете, напротив него. Но отголоски эмоций Кристен – ее страх, ее боль, ее безысходность в тот день – захлестнули меня с головой. Я не сдержалась. Из глаз хлынули горячие слезы – не мои, но такие настоящие. Я тут же принялась украдкой вытирать их тыльной стороной ладони, не желая показывать ему свою слабость.

А Дамиан смотрел на меня, не отрываясь. Его губы были сжаты в тонкую, жесткую линию. Он дождался, пока я немного приду в себя.

– Ты плачешь о том, что потеряла, или о том, что получила?

Я так и не ответила.

Мы ехали уже несколько часов. За окном проносился одушевленный пейзаж: поля, перелески, редкие деревушки. Но я не смотрела по сторонам. Все мое внимание было сосредоточено на замкнутом, душном пространстве кареты и на мужчине, сидевшем напротив.

Он молчал. С тех пор как мы сели в карету, он не произнес ни слова. Он просто сидел, откинувшись на бархатную спинку, и смотрел в окно на проносящийся мимо мир. Его профиль был похож на профиль хищной птицы – резкий, гордый, непроницаемый.

Тишина давила на уши. Она была наполнена нашим утренним разговором, его унижительным предложением и моим вынужденным согласием. Она была пропитана годами ненависти в супружеской паре. И в этой тишине в моей голове снова и снова бился один и тот же вопрос. Вопрос, который не давал мне покоя с тех пор, как я увидела чужое воспоминание о свадьбе.

Я знала, что не должна этого делать. Что нужно молчать, играть роль сломленной и покорной жены. Но я больше не могла. Неведение было хуже любой, даже самой страшной, правды.

– Почему ты на мне женился, Дамиан?

Мой голос прозвучал в тишине кареты неожиданно громко.

Он не пошевелился. Он даже не повернул головы, продолжая смотреть в окно, будто я обращалась не к нему, а к пролетающей за окном птице. Будто меня здесь вообще не было.

И это молчание, это показательное пренебрежение взбесило меня как красная тряпка. Кровь прилила к лицу.

– Неужели так сложно ответить? – резко спросила я, и в моем голосе зазвенел металл. – Ты разрушил мою помолвку. Ты силой взял меня в жены, хотя ненавидишь. Так почему? Зачем?

Он медленно, очень медленно повернул голову и посмотрел на меня. Его взгляд был не злым, не холодным. Он был... уставшим. И таким глубоким, что мне показалось, будто я смотрю в бездонный, темный колодец. Он смотрел на меня долго, пронзительно, словно пытаюсь разглядеть не мое лицо, а что-то за ним.

– Да, – наконец тихо произнес он. – Сложно.

Странный ответ. Я ожидала чего угодно – холодной ярости, презрительного молчания, приказа не задавать глупых вопросов. Но не этого. Не этого тихого, почти человеческого «сложно». Это было признание. Не слабости, нет. Признание того, что в этой истории все не так просто, как кажется. И это давало мне крошечную, призрачную зацепку.

Мой гнев угас, сменившись любопытством.

– Что сложного? – я подалась вперед, и мой голос прозвучал уже не резко, а настойчиво. – Объясни мне, Дамиан. У тебя идеальная возможность. Я все равно ничего не помню. Для меня это будет просто история.

Он долго молчал, глядя на меня своим бездонным, уставшим взглядом. Мне показалось, он снова проигнорирует меня, но он заговорил. Голос его был тихим и глухим, будто он говорил не со мной, а с самим собой.

– Сложно объяснить тому, кто не дракон. Тому, кто не чувствует мир так, как мы, драконы рода Арден.

Он отвернулся к окну, но я знала, что он по-прежнему говорит для меня.

– Когда я выбрал тебя, я связал нас. Не клятвами перед храмовником. Не кольцами и не бумагами. Эта связь... она не похожа на человеческую любовь. Она глубже. Злее. Древнее. И она не рвется. Даже если ее разрубить топором. Даже

если ее предать.

Он замолчал, и я не дышала, боясь спугнуть это откровение.

– Когда такую любовь предают, она не исчезает. Она не меркнет, не угасает и не разбивается. Она чернеет и просто... медленно гниет, – он произнес это слово с тихим, концентрированным отвращением. – И отравляет дракона. Изнутри. Медленно. Год за годом.

Теперь я начала понимать. Не до конца, но общая картина вырисовывалась, и она была куда страшнее, чем я думала.

– Я не мог позволить тебе выйти за другого, – продолжил он. – Не потому, что все еще питал нежные чувства. Они осыпались трухой в тот день, когда я получил твое письмо. Зверь внутри не мог этого позволить, потому что ты уже была нашей. Частью нас. Отпустить тебя означало бы добровольно положить голову на плаху или подставить под топор крылья. А оставить... означало вечно носить в себе этот яд. Эту гниющую рану.

Он наконец повернулся ко мне. В его глазах больше не было усталости. Только холодная, беспросветная пустота.

– Я выбрал второе. Это и стало твоим наказанием. И моим.

Он закончил, и в карете повисла тишина, еще более тяжелая, чем прежде. Я смотрела на него, и впервые видела не просто жестокого тирана. Я видела существо, запертое в одной клетке со мной. Существо, которое само создало эту

клетку и само же страдает в ней не меньше моего. Мой побег теперь казался не просто сложным. Он казался невозможным.

– А моя сестра?.. – я не знала, как правильно поставить вопрос, потому замолчала.

Дамиан усмехнулся и посмотрел на меня с откровенной издевкой.

– Ты меня отравила, Кристен. Слепой ревностью, яростью. Дракон внутри требовал разорвать тебя, приковать цепями к стене и мучительно долго использовать твоё тело для продолжения рода.

Это звучало ужасно. Настолько, что в груди сперло дыхание.

– Он хотел твоей боли, я дал ему альтернативу.

– Сделав любовницей Лею?

– Любовницей? – он насмешливо поднял бровь. – Я рассчитывал, что она заменит тебя не только в постели.

Однако в его взгляде я не видела торжества, несмотря на ехидную улыбку. Он закрывал ею свою боль, которая читалась в потемневших глазах.

– Получилось? – спросила я, оставаясь холодной, хотя внутри все бурлило от боли и чувства несправедливости. И не только за себя, но и за этого мужчину.

Усмешка Дамиана погасла. Он смотрел в мои глаза и коротко ответил:

– Нет.

Я думала об этом, когда карета начала замедлять ход. За окном показались огни постоянного двора. Мы останавливались на ночлег.

Он объяснил мне природу моей тюрьмы. Вечной, магической, нерушимой. А я, дура, торговалась за право взять с собой саквояж.

Карета остановилась возле какого-то здания, но я не успела ничего толком рассмотреть в окно дверцы. Дамиан встал со своего места и выбрался наружу.

– Пообедаем и продолжим путь.

Я выбралась следом за драконом, и меня окутали запахи дорожной пыли, прелой листвы и дыма. Суевликий, низкорослый хозяин постоялого двора уже кланялся в пояс, лепеча приветствия и извинения за скромность своего заведения. Дамиан бросил ему несколько монет и отдал короткий приказ:

– Нам нужна отдельная комната. И обед. Быстро.

Мы вошли внутрь. Общий зал был почти пуст, за одним из столов сидели двое угрюмых мужчин. Нас провели на второй этаж, в небольшую, но чистую комнату с накрытым на двоих столом. Тишина, которая была нашим спутником в карете, последовала за нами и сюда, став еще более неловкой.

Служанка принесла простую еду – густую похлебку, жареную птицу, хлеб и кувшин с вином. Дамиан принялся за еду молча, с сосредоточенностью человека, для которого пища – лишь топливо. Я же сидела, глядя на свою тарелку. Мои руки, хоть и почти зажившие, все еще были укутаны в легкие защитные повязки. Новая кожа была тонкой и стянутой, а пальцы сгибались с трудом, им не хватало былой силы и ловкости.

Я смотрела на него. На его резкий профиль, на то, как двигается его челюсть, на его длинные пальцы, сжимающие рукоять ножа. Я пыталась сопоставить этого человека с тем

существом из сарая, что дышало жаром и говорило голосом, от которого вибрировали кости. Пыталась понять, как в нем уживается холодный, расчетливый лорд и раненый дракон, проклятый собственной любовью.

Молчание становилось невыносимым. Я должна была его нарушить, чтобы не сойти с ума от собственных мыслей. Я выбрала самый безопасный вопрос, какой только смогла придумать.

– Дракониий Утес... – тихо произнесла я. Он поднял на меня взгляд. – Какой он?

Он отпил вина, раздумывая над ответом.

– Старый, – наконец сказал он. – Холодный. Построен на костях гор. Это не то место, где цветут сады, Кристен. Тебе там не понравится.

Он сказал это как данность, без злорадства или угрозы. Просто констатировал факт.

Я снова опустила взгляд на свою тарелку. Мне нужно было есть. Чтобы сохранить силы, чтобы выносить ребенка. Я неловко взяла в левую руку вилку и попыталась отделить кусок мяса от птицы. Ничего не получалось. Слабые, непослушные пальцы не могли удержать прибор как следует. Я с досадой бросила вилку.

И тут он пошевелился. Я подняла голову, ожидая увидеть на его лице насмешку. Но он, не говоря ни слова, протянул руку через стол, взял мою тарелку и придвинул к себе. Я замерла, наблюдая за его действиями. Он взял свой нож и вил-

ку и принялся методично, с какой-то отстраненной эффективностью, срезать мясо с костей и нарезать его на мелкие, удобные для еды кусочки.

Закончив, он так же молча пододвинул тарелку обратно ко мне.

Я смотрела на аккуратно нарезанное мясо, потом на него. Он уже вернулся к своей еде, будто ничего не произошло. Этот простой, бытовой супружеский жест выбил меня из колеи сильнее, чем его поведение. Он унизил меня, угрожал мне, вынудил согласиться на интимные отношения. А теперь нарезал мне мясо, как для беспомощного ребенка.

Я не понимала этого мужчину. Совсем.

Этот неожиданный, отстраненный жест заботы сбил меня с толку. В нем не было ни тепла, ни сочувствия, лишь какая-то холодная отстраненность. Но именно это и открыло крошечную лазейку в стене его враждебности. Я решила рискнуть.

– Зачем ты везешь меня в Драконий Утес? – тихо спросила я, когда он снова взялся за свою еду.

Он не сразу поднял взгляд. Долго жевал, сделал глоток вина, словно обдумывая ответ.

– Ты все равно пока не в состоянии понять, Кристен, – наконец произнес он ровным, безразличным тоном. – Когда придет время, тебе все станет ясно.

Это не было ответом. Это была отговорка, еще одна стена, которую он выстроил между нами.

– А теперь ешь, – его голос стал жестче, когда он посмотрел на мою тарелку. – Не смей морить голодом моего сына.

Приказ был ясен. Под его тяжелым, неотрывным взглядом я заставила себя взять вилку и принялась за еду. Куски, нарезанные его рукой, казались безвкусными, но я послушно ела, чувствуя себя не женой, а инкубатором, который нужно вовремя подкармливать.

Мы закончили обед в том же молчании. Вернувшись в карету, мы продолжили свой путь. Остаток дня прошел в густой, вязкой тишине. Я смотрела на проносящиеся мимо пейзажи, но видела лишь отражение его холодного профиля в стекле.

Когда начало смеркаться, карета снова замедлила ход. На этот раз мы остановились не у скромного придорожного трактира, а у большого, добротного постоялого двора с вывеской «Корона и Сокол». Это место выглядело дорогим и респектабельным.

Хозяин, вышедший нас встречать, был сама любезность. Дамиан, не говоря ни слова, бросил ему на стойку золотую монету.

– Лучшие покои, ужин и горячую воду для ванны.

Нас провели на второй этаж. Это была не просто комната, а целый средневековый люкс. Просторная гостиная с жарко натопленным камином, мягкими креслами и столом, на котором уже стояла бутылка вина и фрукты. И дверь, ведущая в спальню.

Слуга распахнул ее, демонстрируя нам приготовленную комнату. И мое сердце ухнуло в ледяную пропасть.

В центре спальни стояла одна-единственная, огромная кровать под тяжелым бархатным балдахином.

Слуга торопливо покинул наши покои, пропуская других слуг. Дамиан стоял совсем рядом, и я чувствовала затылком его взгляд.

– Раздевайся, – его голос был ровным, но я все равно напряглась. Стояла и мялась, пока слуги вносили в помещение большую деревянную лохань и ведра с горячей водой.

Я молча кивнула. Спорить было бесполезно и глупо. Я сама на это согласилась.

Когда мы остались одни, я медленно, стараясь не выдать дрожь в пальцах, повернулась к нему и начала расшнуровывать платье. Мои руки, все еще обмотанные легкими повязками, плохо слушались, и это простое действие превратилось в пытку.

Он наблюдал за мной, не двигаясь. В его взгляде не было ни желания, ни предвкушения. Только что-то хищное блесло на дне глаз.

– Что ты делаешь?

Мои губы сами собой искривились в подобии улыбки.

– То, что ты приказал.

Дамиан отвернулся, прикрыл глаза и мне показалось, что он сейчас устало потрет виски, но он просто отошел к камину и больше не поворачивался.

Я растегнула пуговицы, а когда платье наконец упало к мо-

им ногам, я осталась стоять в тонкой нижней рубашке.

Дамиан шумно выдохнул.

– Сначала ванна, Кристен, – его голос был хриплым.

Я не стала артачиться. Подхватила платье, саквояж и шустро удалилась, а войдя в спальню, стянула сорочку, достала брусок своего мыла и забралась в лохань, наполненную водой с ароматом вервеска.

Вода была горячей. Почти обжигающей. Я медленно опустилась в нее, и мое тело отозвалось на тепло благодарной дрожью. Я прикрыла глаза, пытаюсь отгородиться от реальности, от него, от предстоящей ночи.

Понятия не имела, как это произойдет. Нет, я девушка в этих вопросах пресвященная, но в такой ситуации оказалась впервые.

Я осторожно размотала повязки на руках, быстро вымылась, стараясь не тревожить заживающую кожу на ладонях. Выбравшись из лохани, достала из саквояжа новые бинты и простую ночную рубашку из грубого, но чистого хлопка. Переодевшись и обработав руки мазью, я осторожно замотала их бинтами, затем забралась под одеяло, сжавшись в комок на самом краю огромной кровати.

– Я закончила, – сообщила нервно.

Через некоторое время я услышала, как он вошел в спальню. Он даже не посмотрел в мою сторону. Молча разделся до пояса, я мельком увидела его широкую спину, покрытую сетью тонких белых шрамов, и шагнул в лохань с еще горя-

чей водой.

Я отвернулась к стене, глядя на текстуру отбеленных стен и слушая плеск воды. Мое сердце колотилось так громко, что, казалось, он должен был его слышать.

Когда он закончил, то тоже надел простую ночную рубашку. В комнате пахло лавандой.

– Слуги принесли ужин. Идем есть, – сказал он.

А раньше нельзя было сказать? Я поджала губы, но послушно выбралась из-под одеяла, вышла из комнаты и села за стол.

Мы ужинали в той же гнетущей тишине, что и в обед. Он снова нарезал мне мясо, и я снова ела под его тяжелым взглядом.

Когда с ужином было покончено, я знала, что последует дальше, но снова ошиблась. Он достал из дорожной сумки знакомый флакон.

– Пей.

Я взяла склянку и молча выпила горькую настойку до дна, мысленно готовясь к новому погружению в чужие воспоминания.

Первая брачная ночь. Я сижу на краю огромной, холодной супружеской кровати. Тяжелый шелк свадебного платья давит на плечи, он кажется не нарядом, а тяжелыми доспехами. В комнате горит всего одна свеча, ее пламя лениво колышется, отбрасывая на стены длинные, уродливые тени.

Я жду.

Проходит час, другой. Свеча оплывает, оставляя на подсвечнике восковые слезы. Страх, который ледяными тисками сжимал мое сердце у алтаря, постепенно сменяется другим чувством. Жгучим, унижительным. Обидой. Он не просто задерживается. Он не придет. Это тоже часть наказания. Оставить меня одну в эту ночь, как ненужную вещь.

Мы не сказали друг другу ни слов за весь день. Только его холодное, полное презрения «да» у алтаря, прозвучавшее как проклятие. Я не могу так. Я не могу просто сидеть и ждать, пока он соизволит явиться. Я должна с ним поговорить, объясниться.

Я с трудом поднимаюсь на ноги. Платье тяжелое, оно сковывает движения. Я выхожу из спальни в длинный, гулкий коридор. Тишина. Только мои шаги эхом отдаются от каменных стен. Я иду наугад, не зная, где его искать. В библиотеке? В его кабинете?

И тут я слышу.

Стон.

Протяжный, полный истома девичий стон, донесшийся из-за одной из дверей в конце коридора. Он повторяется снова, затем еще раз, переходя в частое, сбивчивое дыхание. Я замираю, еще не до конца понимая, что это значит. Может, кому-то плохо?

Я иду на звук, ноги становятся ватными. Сердце колотится где-то в горле. Дверь в комнату приоткрыта, из ще-

ли пробивается полоска света. Звуки становятся громче, отчетливее. Я кладу ладонь на холодное дерево и толкаю дверь.

Она беззвучно открывается.

Мир раскалывается на до и после.

Он стоит на коленях на кровати, спиной ко мне. Его мощная, обнаженная спина хищно напряжена, мышцы перекачиваются под кожей при каждом движении, кожа блестит в тусклом свете, а руки... пальцы рук с силой впиваются в белые женские бедра, будто нарочно стараясь оставить там синяки.

Под ним, вцепившись пальцами в простыни и запрокинув голову, лежит моя сестра. Лея. Ее светлые волосы разметались по подушке, глаза закрыты, а с губ срываются те самые стоны, что привели меня сюда.

Дамиан не просто занимается с ней любовью. Он властно и яростно вколачивается в ее податливое тело, и в этом нет ни капли нежности. Только звериный голод.

Он предпочел ее. В нашу первую ночь. Он не просто унизил меня, оставив одну. Он растоптал меня, выбрав ту, что была моей копией, моей кровью.

Двойное предательство острой, раскаленной иглой пронзает сердце. Я закусываю губу так сильно, что чувствую вкус собственной крови, отчаянно пытаюсь сдержать рвущийся наружу крик, смешанный с рыданиями.

И в этот момент Дамиан делает странное. Он вздраги-

вает, делает короткий судорожный вдох, а затем громко не то рычит, не то стонет. Я понимаю, что он достиг пика.

Сухо сглатываю и делаю шаг назад. Тихо, как мышшь. Прикрываю за собой дверь, оставляя их в их грязном, украденном у меня мире.

И бегу.

Не в свою холодную спальню. Вниз по лестнице, мимо спящих слуг, прочь из этого замка, который стал моей тюрьмой. Я выбегаю на улицу, в холодную ночную мглу. Ледяной ветер бьет в лицо, но я его не чувствую.

В эту ночь Дамиан оставил меня нетронутой, но взял в любовницы Лею. Если я и хотела объясниться, то сейчас он выжесг из меня это желание каленой кочергой. Выжесг дотла. Вместе с сердцем.

Я вынырнула из чужого прошлого, как утопающий, судорожно хватая ртом воздух. В ушах все еще стоял шум ветра и отчаянные, беззвучные рыдания.

Комната постоянного двора, тусклый свет свечей, мужчина, сидящий напротив, – все это казалось ненастоящим, грубой декорацией по сравнению с той реальностью, в которой я только что побывала.

Дамиан неотрывно смотрел на меня. Его лицо было непроницаемо, но я видела, как напряженно он изучает мое, пытаюсь уловить малейшее изменение, прочесть в моих глазах то, что я только что увидела. Он не мог знать. Но он ждал реакции.

– Что на этот раз? – его голос был спокойным, почти безразличным, как у лекаря, спрашивающего о симптомах. – Судя по твоему лицу, воспоминание было не из приятных.

Не из приятных. Какое слабое, ничтожное слово для описания того ада, в котором он заставил гореть свою жену.

Я медленно подняла на него взгляд. Я смотрела на него, но видела его спину, его руки, впивающиеся в бедра Леи. Я чувствовала на своих губах привкус крови Кристен.

– Ничего особенного, – ровным голосом ответила я. – Просто обрывки. Свадьба. Много людей. Ничего, что имело бы смысл.

Ложь далась мне на удивление легко. Внутри меня все кричало от обиды, но снаружи я была спокойна, как замерзшее озеро. Кристен, что могла бы разрыдаться от несправедливости, умерла. А я – нет.

Он недоверчиво хмыкнул, но настаивать не стал. Мое холодное спокойствие, кажется, озадачило его.

– Что ж, – он медленно поднялся из-за стола. – Ужин окончен.

Он не приказал мне идти в спальню. Он просто подошел к двери, ведущей туда, и открыл ее, прислонившись плечом к косяку. Он молча смотрел на меня, ожидая от меня конкретных действий.

Я заставила себя встать. Каждый шаг по скрипучим половицам отдавался гулким стуком в ушах. Пройдя мимо него, я остановилась, глядя на кровать под тяжелым балдахином.

Звук закрывшейся за спиной двери заставил меня вздрогнуть.

Когда я обернулась, передо мной был уже не совсем Дамиан. Его глаза потемнели, зрачки расширились. Его взгляд медленно прошелся по мне, от волос до подола платья, словно осязая, взвешивая, присваивая. Он сделал шаг, потом еще один, сокращая расстояние между нами с неумолимостью движущегося ледника. Воздух вокруг него, казалось, загустел, стал тяжелым. Я услышала его дыхание – глубокий, сдерживаемый вздох.

Он протянул руку, но не для того, чтобы коснуться лица.

Его пальцы сомкнулись на моем запястье, и я ощутила жар его кожи даже сквозь повязку. Он без усилий потянул меня к себе, а вторая рука легла на мой затылок, пальцы властно запутались в волосах, и он заставил меня поднять голову.

По телу против воли пробежала дрожь. Сердце билось в груди пойманной птицей, а горло пересохло.

Я смотрела ему в глаза, думая лишь о том, что не хочу делить постель с чудовищем, что так жестоко обошлось с женщиной его любившей. Даже если она разбила ему сердце. Даже если сделала это из желания улучшить свое положение.

И я решила, что сегодня побуду Динамо.

– Я не Кристен.

Дамиан замер. В его глазах ничего не отразилось. В них была темнота. Жадная, голодная темнота. Как та, в которую долго смотришь, гадая живая она или нет за миг до того, как она тебя проглотит.

Секунда растянулась в вечность. Он не двигался, лишь его глаза, до этого горевшие темным пламенем, стали похожи на два куска обсидиана – черные, гладкие, непроницаемые. Жар, исходивший от его тела, кажется, спал, сменившись звенящим холодом.

Он медленно, почти нехотя, отстранился от меня. Убрал руку с моего затылка, отступил на шаг. Дистанция. Первым его инстинктом было создать дистанцию.

– Что за бред ты несешь? – голос его был тихим и глухим, лишенным всяких эмоций. словно говорила неживая статуя.

Мое сердце все еще колотилось от пережитого напряжения, но я заставила себя выглядеть спокойной. Мое единственное оружие сейчас – это его замешательство.

– Это не бред, – ответила я, глядя ему прямо в глаза. – Я не Кристен.

Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Его взгляд был долгим, изучающим, он словно пытался просканировать меня, заглянуть под кожу, найти там привычную ему женщину. Но не находил.

– Лихорадка повредила твой разум, – наконец вынес он вердикт. Это было самое логичное, самое простое объяснение, и он отчаянно за него цеплялся.

– Мой разу много чище, чем когда-либо был у Кристен, –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.